Цена номера 5 к.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей

№ 20 (57) 19 мая 1930 г. | ВТОРОЙ ГОД ИЗДАНИЯ | Выходит каждые 7 дней

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б., 25,
Дом Герцена. Тел. 2-80-12.
Прием ежедневно от 12 до 3 ч.
ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Акц. о-во «Огонек», Москва, 6,
Страстной б., 11. Тел. 5-51-69.
МОСКОВСКАЯ КОНТОРА:
Тверская, 37. Тел. 1-28-19.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

	СССР.	ВНЕ СССР.
На год . .	2 р. 50 к.	1 дол. 25 ц.
На 6 м. .	1 р. 25 к.	— 65 ц.
На 3 м. .	— р. 65 к.	— 35 ц.

К ДИСКУССИИ В РАПП

Завоевание пролетарской литературой гегемонии в минимально-исторические сроки невозможно без четкого и недвусмысленного ответа ТЕПЕРЬ ЖЕ на коренные вопросы о ее творческих путях в условиях реконструктивного периода. Именно поэтому все литературные споры, все проблемы критики, все вопросы классовой борьбы в литературе и науке о литературе, — связываются крепким узлом вокруг споров о творческом методе пролетарской литературы. Больше того, дискуссия о творческом методе в какой-то мере отвечает и на вопросы о линии развития ВСЕЙ СОВЕТСКОЙ литературы, потому что тот или другой путь творческого развития пролетарской литературы определяет формы и силу воздействия на попутничество и крестьянский художественный сектор.

Надо решительно отбросить в сторону взаимные непринципиальные попреки, которые мешают широкой пролетарской общественности понять, что дискуссия идет не по поводу одного произведения Либединского или Безыменского, или отдельных ошибок, совершенных в прошлом тем или иным писателем или критиком. Вся общественность должна знать, что спор ИДЕТ МЕЖДУ ДВУМЯ СИСТЕМАМИ ВЗГЛЯДОВ, что решаются основные творческие вопросы пролетарской литературы. «Комс. Правда» в статье от 17 мая, очень упрощенно связывающей творческие вопросы с борьбой против уклонов в партии, правильно указывает, что отдельные элементы рационализма и схематизма мешают признать творческую практику т. Безыменского, ДОСТАТОЧНО ПОЛНО ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЙ воинствующий материализм на сегодняшний день. Мы добавили бы к этому, что ошибки в дискуссии о Переверзеве, сделанные рядом товарищей из ИКП, «левые» ошибки тт. Горбачева и Безыменского, на достаточно длинном промежутке времени литературной борьбы, ряд формалистских ошибок Цирлина, Мустанговой и других авторов платформы рапповского меньшинства, — заставляют с сугубой осторожностью относиться к их сегодняшней практике. Но НЕ ПО ЭТИМ ФАКТАМ НАДО СУДИТЬ О ВЫСТУПЛЕНИЯХ И ПРЕДЛОЖЕНИЯХ ПРОТИВНИКОВ НАЛИТПОСТОВСКОЙ ПРОГРАММЫ. Только в том случае, если платформа ими развернутая, содержит рецедивы переверзианства, формализма или прямые политические ошибки, только В ЭТОМ случае законнон было бы связывание дискуссии с их деятельностью на минувших этапах литературного движения. Но ведь надо же признать, что эти ошибки в платформе не воспроизведены.

Точно также неуместно напоминать о правых ошибках т. Сутырина, и неудачных теоретических выступлениях т. Ермилова, если эти ошибки не повторяются в сегодняшних теоретических высказываниях и практике «На литпосту». Однако, совокупность литературно-критических и литературно-общественных высказываний в последних номерах «На литпосту» показывает, что отдельные товарищи из РАПП плохо понимают задачи, стоящие перед основной организацией рабочего класса в литературе— Российской ассоциацией пролетарских писателей.

Защита «психологического реализма» с теорией «непосредственных впечатлений», «живым человеком», с практикой, подобной «Рождению героя», как СТОЛБОВОЙ ДОРОГИ пролетарской литературы, действительно дезориентирует растущие кадры пролетарских писателей. Мы печатаем сегодня резолюцию секции литературы и искусства Комакадемии о «Перевале». Это постановление чрезвычайно четко вскрывает реакционную сущность школы Воронского и ее творческого метода. РАПП провел огромную борьбу с воронщиной. Но можно ли сказать, что во взглядах тт. Ермилова, Сутырина, Либединского, Селивановского сейчас не оказывается известное влияние воронщины? Об этом нужно товарищам из «На литпосту» подумать и сделать соответствующие выводы.

РАПП сыграла значительную роль в разоблачении меньшевистской системы взглядов Переверзева. Тем более непоследовательно со стороны тт. Ермилова и Киршона, что, пытаясь установить связь между концепцией Переверзева и творческой платформой рапповского меньшинства, они обходят такие существенные моменты как примат подсознательного, проблему «искренности» и «живого человека», — упорно пропагандируемые тем же Переверзевым.

Нужно усвоить, что недостаточная работа с молодыми пролетарскими писателями, опоздание в ряде вопросов (проблема крестьянской литературы, например), отставание от разрешения боевых вопросов, выдвигаемых реконструктивным периодом, не может не вызывать ожесточенных боев внутри РАПП. В известной мере «перегибы» и «загибы», совершаемые рапповской оппозицией питаются ошибками некоторых товарищей налитпостовцев.

Дискуссия слишком долго топталась на «Рождении героя», ее слишком долго делали отдельные литераторы. Очень хорошо поэтому, что она стала предметом обсуждения рапповских масс. Мы рассматриваем происходящую в Ленинграде областную конференцию ЛАПП, как первый этап широкой принципиальной дискуссии во всей РАПП. Независимо от возможных решений конференции следует обратить внимание на критическое отношение РАБОЧИХ кадров пролетписателей («Красный Путиловец», «Красный Гвоздильщик», «Красный Дизель» и т. д.) к «психологическому реализму» Либединского и к схематизму некоторых его противников. Пролетарские кадры РАПП хотят создавать литературу, которая помогает строить социализм наилучшим образом.

Ошибки сторон можно и должно исправить, без неправильного перенесения споров в область литературной политики. Вся РАПП сплочена на борьбе за развитие пролетарской литературы, на основе марксизма-ленинизма, на основе генеральной линии партии, вся РАПП хочет беспощадно расправляться с упорствующими в правых и «левых» ошибках. Тем более важно добиться единства в творческих вопросах. За сознательную боевую партийную литературу, максимально широко охватывающую многообразие действительности и не теряющую злободневности, немедленно реагирующую на вопросы реконструктивного периода и борьбу за пролетарскую революцию во всем мире!

За изображение чувств и мыслей конкретных классовых людей и классовых коллективов во всей сложности, во всех противоречиях, с активной классовой оценкой, действительно способствующей пониманию об'ективного смысла процессов классовой борьбы. Мы не сомневаемся, что с этими лозунгами РАПП будет сплоченно двигаться к гегемонии и еще лучше будет осуществлять свою ведущую роль в советской литературе. Будем помнить слова Ленина: «Литературное дело всего менее поддается механическому равнению, нивелированию, господству большинства над меньшинством».

ТРЕТЬЯ ОБЛАСТНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЛАПП

В Ленинграде 15 мая открылась III областная конференция Ассоциации пролетарских писателей.

Ленинградская пресса говорит:

Особенно важной делает конференцию программа ее работы. Намеченную заранее повестку дня пришлось изменить, поставив в центре внимания конференции дискуссию о творческом методе. При участии представителей рабочих литературных групп обсуждался вопрос о ликвидации отставания литературы от социалистической стройки, о построении творческого метода пролетарской литературы на основе ленинизма. В работе конференции принимают участие московские товарищи: Гельфанд, Сутырин, Фадеев, Ольховый и др.

Первым был заслушан доклад тов. Сутырина о задачах РАПП в реконструктивный период.

После окончания заседания делегаты конференции слушали стихи тов. Безыменского, выступившего по просьбе делегатов краснофлотской литгруппы.

16 мая заседание конференции было занято прениями по докладу тов. Сутырина.

Выступали представители рабочих кружков крупнейших ленинградских предприятий, которые в своих речах дали горячую отповедь тем, кто возглавляет отдельные группировки и сводит все дело к борьбе лиц, а не к борьбе методов.

Рабочие кружки «Красного Путиловца» категорически высказываются против такого психологического реализма, который применен Чумандриным в его последних вещах и Либединским в «Рождении героя».

— Нам, — говорит рабочий-краснопутиловец,—действительно нужны живые люди, но показывать их нужно в связи со всей производственной обстановкой, а не отдельно. То слюнтяйское ковыряньe в себе, которое Либединский называет «психологическим реализмом, не нужно.

Рабочий т. Матвеев с «Красного Гвоздильщика» заявил:

— Нам нужна пролетарская литература, которая помогала бы строить социализм. Слюнтяи же, ковыряющиеся в самих себе, как Шорохов, ни на какое строительство не способны.

Рабочий т. Владимиров с «Русского Дизеля» возражает против того упрощенства в понимании художественной литературы в современный период, которое проявляет группа Горбачева, Безыменского и др. Нам нужны живые люди, а не схемы и общие фразы.

Тов. Костров в своей речи подчеркнул недостатки психологического метода. Затем выступил тов. Фадеев и дал анализ причины разногласий в рядах пролетписателей.

ВЕЧЕР „НАЛИТПОСТОВЦЕВ“ в ЛЕНИНГРАДЕ

В Ленинграде 12 мая происходил вечер налитпостовцев, являющийся как бы ответом на предыдущие диспуты, организованные первой ударной бригадой критиков ЛАППА. «Красная газета» сообщает:

Первым выступил т. **Ермилов** (РАПП). Остроту споров о творческих разногласиях он об'ясняет самой сущностью реконструктивного периода.

Показ «живого человека»—не пустой лозунг, а оправдавший себя на практике. **Только на основе психологического метода можно осуществить об'ективное познание противоречий действительности.**

Возражая докладчику, тов. **Камегулов** отмечает, что доклад его является запоздалой критикой Переверзева и не затрудняет серьезнейших вопросов пролетарской литературы. Мало того, тов. Ермилов сам согласен с Переверзевым, утверждая в своих статьях, что, минуя вопросы подсознательного, нельзя создать художественное произведение. **Нужно бороться за метод диалектического материализма против метафизических извращений его Ермиловым.**

Тов. **Наливухин** (Ижорский завод) говорит об отсутствии ЛАППовского руководства в вопросе о творческих разногласиях. От Либединского группа ожидала совсем не такого «героя», который родился в последнем его произведении. Вместо отображения рабочего, коммунистического быта дана любовная история.

Необходимость рабочей тематики выдвигается и в зачитанной на вечере резолюции трех рабочих групп: «**Кр. Путиловец**» (два кружка) и «**Правдист**». Кружковцы считают, что метод психологизма не может быть столбовой дорогой пролетарской литературы.

Выступая против налитпостовцев, тов. **Горбачев** указывает, что борьба идет вовсе не против РАПП, как это пытается доказать тов. Ермилов, а против последних ошибок группы Либединского и Чумандрина, работающих методом углубленного психологизма.

— Хотя партия и не вынесла своего решения по вопросу о методе,—говорит тов. **Либединский**,—но наша задача— найти для литературы те будущие пути, которые партия подтвердит. Задача литературы — помогать партии в познании действительности—может быть осуществлена только путем познания человеческого характера. **Относительно «Рождения героя» тов. Либединский заявляет, что отрицательная оценка романа для него еще мало убедительна, так как до широких масс читателей роман еще не дошел.**

ПЯТИЛЕТКА ИСКУССТВ

НА ЗАСЕДАНИИ КУЛЬТСЕКТОРА ГОСПЛАНА СССР

Вчера в Госплане СССР состоялось широкое совещание, созванное сектором культуры Госплана СССР по основным вопросам планирования искусства в культурной пятилетке

Постановление президиума ЦИК СССР о пересмотре культурной пятилетки отмечает в числе основных задач культурного строительства и вопросы развертывания художественной работы,—сказал во вступительном слове председатель секции просвещения Госплана СССР тов. **Бердников.**—В дальнейшем нетерпимы прежние темпы культурного развития. Нам необходимо подтянуть художественную работу к общим задачам культурного и хозяйственного строительства.

С докладом об основах планирования искусства в пятилетнем плане культуры выступил руководитель группы по искусству тов. **Гольдман.**

— Темпы развития искусства были крайне незначительны. Очень слабо налажено художественное обслуживание социалистического сектора. Аполитизм еще проникает в искусство и довлеет в целых отраслях художественной промышленности.

Намеченные культсектором Госплана СССР цифры пятилетки искусств ни в коей мере не могут быть признаны исчерпывающими. Менее всего разработаны вопросы изо, музыки, трамдвижения, литературы и т. д.

Основное место во всем плане пятилетки искусств занимает кино и самодеятельное искусство .К концу пятилетки в деревне будет **23.000 стационарных кино-установок и 36.000 кино-передвижек.** В городе пятилетка искусств предусматривает 100-процентную кинофикацию клубов, широкое развертывание кино в жилкомбинатах и др. Свыше **10.000** кино-установок будет в городах к концу пятилетки. Кроме того, по пятилетке искусств ориентировочно намечено **до 50 процентов пунктов кино-сети превратить в звуковые кино-театры.**

По линии самодеятельного искусства количество художественных кружков в 1933 году в деревне предположено довести **до 385.000** и в городе—**до 84.000.**

Пятилетка искусств предусматривает также широкое развитие сети профтеатров и охват ими основного фабрично-заводского населения и крестьянства. Также же мероприятия намечены и по линии музыкальной работы цирка, эстрады и изо.

Второй докладчик культсектора Госплана СССР тов. **Равич** осветил вопросы подготовки кадров единой системы художественного обслуживания в пятилетнем плане искусств и идеологическую установку его построения.

10 июня Госплан СССР созывает совещание по вопросам планирования искусства. В начале августа будет проведено всесоюзное совещание по пересмотру культурной пятилетки. 15 августа пятилетний план искусства поступит на рассмотрение правительства.

КР.

25-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ЯНКИ КУПАЛЫ

В связи с исполняющимся 28 мая 25-летием творческой деятельности народного белорусского поэта Янки Купалы, послан ряд приветственных телеграмм и писем поэту от Госиздата, Главискусства и Федерации советских писателей.

Заведующий Госиздатом **Арт. Халатов** приветствует **Янку Купалу** от правления Госиздата:

«Ваше творчество, проникнутое революционным содержанием, сыграло большую организующую роль в революционной борьбе белорусского крестьянства и несомненно и впредь будет служить строительству социалистической культуры. Являясь певцом белорусской бедноты, вы, тов. Янка Купала, заслуженно занимаете видное место в советской и мировой революционной литературе».

Председатель Главискусства **Ф. Я. Кон** послал т. Янку Купале следующую телеграмму:

«Приветствую с 25-летием творческой работы, проникнутой стремлением к освобождению трудящихся Белоруссии от социальной и национальной неволи Пусть крепнет ваша поэзия в гармоническом единстве с социалистическим, пусть слышатся ее звуки на полях Западной Белоруссии».

Федерация советских писателей в телеграмме на имя Дома писателей в Минске, приветствует рабочих и крестьян и писательскую общественность Белоруссии с 25-летием юбилеем работы их народного поэта Янки Купалы.

ВЕЛИКАЯ стройка СССР — — ЛУЧШАЯ ШКОЛА ПИСАТЕЛЯ

Соображения о поощрении и нужде, высказанные возле Узбоя, что течет В ПУСТЫНЮ КАРА-КУМЫ

Наши критики—существа добродушные и наивные,—на которых мы зачастую совершенно необоснованно жалуемся, усердно исполняют сейчас весьма ответственную и тяжелую работу поощрения писателей в подыскивании им методов или, вернее, методологии творчества. Критики признают необходимым и полезным сейчас и для писателя и главным образом для читателя метод натуралистический или, как его принято называть сейчас, реалистический. Естественно, что для того чтобы работать методами натуралистического искусства, для того чтобы реально ощущать мир, художник должен неуклонно и неизменно изучать этот мир, видеть его во всем многообразии и полноте, не отрываясь от него ни на минуту. Трудно не согласиться с этим! Мир нашего сегодня стремительно бурлит и перестраивается. Горизонты битв расширяются!

Пленительную часть этого горизонта нам — шестерым московским писателям—суждено было увидеть у предверия тускло сияющих Кара-Кум. Несколько часов мы мчались вдоль Басага-Керкинского канала. Этот канал закончен год назад. Тускло-желтые воды Аму-Дарьи не теряют в песках своего стремительного бега. Наконец, канал раздваивается, и половина его превращается в Узбой. Об этом Узбое мы слышали многое еще в столице Туркмении — одноэтажном и солнечном Ашхабате. Кратко говоря, суть мечтаний и проектов водных работников Туркмении заключается в проведении через Кара-Кумы гигантского оросительного канала, который сможет дать воду в громадные массивы, ныне бесплодные лишь потому, что там нет воды. Но прорыть канал через пустыню невозможно: средств для этого—и людских и денежных—нет не только у Туркмении, но и у всей Средней Азии. Однако люди производили измерения, скакали по пустыне, страдали от жары и от изнурительных болезней и вдруг натолкнулись на Керифский Узбой — старое русло реки, оставшейся и поныне неизвестной. Решили попробовать пустить воду из Басага-Керкинского канала в это старое и забытое русло. Риск был велик, так как малоосуществимые проекты Транс-Каракумского канала уже стали раздражать общественное мнение Средней Азии. От Басага-Керкинского канала прорыли среди песков ход длиною в шесть километров—и воды Аму-Дарьи ринулись в пустыню! Они шли свободно и легко шестьдесят километров, а в этом году, если Аму-Дарья пожелает (река эта очень капризна и лукава), воды ее пропустят вперед еще на шестьдесят километров в пустыню. Весной этого года на пятидесятом километре Узбоя впервые посеян хлопок. Человек победил.

КОЛХОЗНИКИ В БЕЗМЕИНЕ. Фото писателя Л. Леонова.

Расширяющиеся горизонты битв, натуралистический или реалистический метод работы поднимают до звания подвига. Художник сейчас, как Узбой в пустыню Кара-Кумы, несет, рассказывает, кричит людям, сознание которых еще охвачено пустыней невежества, о важности и красоте того дела, которые они исполняют в самой замечательной и прекрасной стране земли. Работа художника очень трудна и очень ответственна. Еще более трудна и еще более ответственна работа его читателей, реализм которых есть у будет реализмом победы.

Поощрение для художника необходимо, но еще более нуждается он, чтобы поощрение это было внутренне нужно и полезно для него. Таким поощрением, мне кажется, было для нас—шести московских писателей—посещение Туркмении, страны, которая, как Узбой, подминая под себя жадные пески нам удалось уложить в наши сочиненопустыни, буйно стремится вперед. Мы были встречены как братья! Покидали мы эту страну, наполненные к ней братской и нежной любовью. Мы лицом к лицу встретились с героями и, если б ния хотя бы тысячную долю того колоссального напряжения, которым живет и дышит страна, мы бы могли быть непередаваемо довольны.

Строки эти, начатые в Туркмении, я заканчиваю в Москве. Мне не отпущено дара писать статьи и, главное, подбирать красивые и убедительные доказательства, поэтому выводы мои зачастую бывают смутны и даже обижают людей, которых я бы не желал обидеть. Я печатаю эти строки лишь потому, чтобы сказать, что посылка бригады была очень полезна для нас, писателей; что посылать бригады необходимо почаще; что Туркменистан нас встретил и проводил превосходно; что шестерым художникам путешествовать вместе отнюдь не вредно, а даже чрезвычайно полезно, и что уважение мое к моим спутникам безмерно.

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

ПУТЬ БРИГАДЫ

БЕСЕДА с Л. ЛЕОНОВЫМ

Мы выехали из Москвы 22 марта — по приглашению туркменистанского наркомпроса. Получили мы также командировку от «Известий». Кроме того, А. Б. Халатов — один из главнейших инициаторов поездки писателей — предложил нам написать книгу о Туркменистане.

Первым нашим пунктом в Туркмении был Ашхабад. Туркменистанская общественность устроила нам здесь горячую встречу. Здесь же мы дали несколько литературных вечеров — у текстильщиков, железнодорожников, печатников. Устроили мы также вечер в ашхабадском Доме Красной армии. Об'ездили красноармейские казармы. Как то в течение суток нашей бригаде пришлось провести четыре выступления. Всюду нас тепло встречала рабочая и красноармейская аудитория.

Туркменистанские части Красной армии произвели на меня исключительное впечатление. Это именно те герои, о которых не хочется и нельзя говорить обычными затасканными словами. Нам довелось беседовать с рядовыми красноармейцами, которые расспрашивали нас о литературе, о литературных группировках, не только с серьезным интересом, но и с полным пониманием литературных вопросов. Кроме своих обычных обязанностей красноармейцы ведут большую культурную работу в кишлаках и аулах, проводят посевкампанию, шефствуя над колхозами, помогают крепнуть наиболее молодым из них.

Наша бригада побывала на афганской границе — у Кушки и у Керков. После Ашхабада и выездов в окружные колхозы, мы об'ездили Ферюзу, Безмеин, Аннау, Гаудан. Затем поехали в Мерв, где, как и во всех крупных пунктах нашего маршрута, мы дали литературный вечер — у железнодорожников. Посетили также красноармейцев.

Оттуда отправились в Кушку, где прожили неделю. По пути из Кушки в

БРИГАДА ПИСАТЕЛЕЙ В ЦК КПТ

Байрам-Али поэты В. Луговской и М. Тихонов посетили Иолотанский район, были в становищах белуджей и джемшидов. В задание этих членов бригады входило — знакомство с колхозами джемшидов, впервые в истории племени оседающих на землю. Несколько литературных вечеров мы дали в Байрам-Али. Два из них — в пасхальную ночь — на антирелигиозные темы. — Отсюда, через Бухару, мы проехали в Керки — богатейший оазис Туркмении, раскинутый по Аму-Дарье, на границе с Узбекистаном. Мы прожили здесь неделю. Выезжали на осмотр ирригационных сооружений в пустыне Кара-Кумы и в пограничные колхозы — подлинные цитадели колхозного движения. Мы знакомились с живущими — там людьми, замечательными, зачинателями орошения песков Кара-Кумы. Мы видели, как пески наседают на аулы и кишлаки. Видели тяжелую повседневную борьбу, которую ведут с ними люди.

Огромное впечатление произвели на нас не только места, но и люди, делающие из бывшей царской колонии свободную республику Советского Союза.

По правде сказать — для нас, как писателей, очень трудно было не поддаться очарованию туземной экзотики. Но в сущности борьба за новую культуру, за новый быт в Туркмении — это и есть борьба с прославленной среднеазиатской экзотикой, столь привлекательной для глаза и кодака европейского туриста и губительной для трудящегося населения этой страны.

Нам лично поездка дала очень много. Кое что войдет в книгу, а многое ляжет в основу наших писательских представлений о социалистическом переустройстве Средней Азии.

Я считаю, что выезды писателей из кабинетов Дома Герцена на широкий простор гигантской стройки насущно необходимы.

ВЕСНА ТУРКМЕНИИ

На семьдесят с лишним процентов пески, пустыня; только там, где вода— жизнь, а воды мало. Отсюда—борьба за воду, жестокая схватка с природой. По побережьям рек узкие полосы культурных оазисов, поселения-города, кишлаки, аулы, а по высохшим руслам рек, некогда изменивших свое течение, развалины древних больших городов, первобытный кибиточный образ жизни, континентальный горячий климат — это Туркмения.

ВС. ИВАНОВ В КУШКЕ.

Угрюмый, неразговорчивый, суровый, необычайно выносливый и ограниченный в своих потребностях, культурно отсталый, но жадный к знанию, народ— кочевники-джигиты, скотоводы и пастухи, землеробы, рыбаки и ремесленники, по племенам: иомуды, тэке, эрсари, сарыки, салоры—таково миллионное население Туркмении, только недавно пробужденной революцией и ныне, после героики еще незаконченных классовых битв, вступившей на путь культуры и советской цивилизации.

Колхозостроительство в этой стране мы видели, начиная с районов культурного центра, вплоть до самых глухих отдаленных провинций республики по афганской границе. Мы видели, как в условиях коллективных начинаний разрешались сложнейшие, неразрешимые при индивидуальной системе хозяйства, вопросы машинизации, орошения, прикрепления к земле кочевых племен и строительства новых поселений.

Мы видели, как на наших глазах оживали пески и там, где никогда не перекапывалась земля, проходил торжествующий трактор. Мы видели, как, например, в Керкинском районе разрешался насущный вопрос ирригации— проблема воды. Бассага-керкинский канал из Аму-Дарьи и Узбой, уходящий в пески Кара-Кумов. Установки машинных насосов, вместо унылых древних водокачалок Туркмении «чигирей» и совсем первобытных волопод'емных сооружений «нава», установок, которые сокращали сроки полива района почти на месяц. Достаточно сказать, что один такой машинный насос заменяет 180 чигирей, ежедневно отнимающих 540 верблюдов и 360 человек, чтобы почувствовать, какую подлинно революционную роль играют такие нововведения. Мы видели, как пораженные, восхищенные эти массы колхозных дехкан с удвоенной, утроенной силой брались за дело, вызывая на соревнование колхозы других районов и увеличивая площадь посева. Мы видели дехкан-колхозников, разоблачавших политику баев, колхозников, вступивших в борьбу с имамами, колхозников, превращавших мечети в детские школы и ясли, а медресе (духовные училища) в утепленные стойла для скота.

Мы видели, как на смену азиатской системе обработке земли омачом, выступали тракторные колонны, как весь азиатский сельскохозяйственный инвентарь изымался из обращения и заменялся инвентарем европейским. Мы видели, как прививается, насаждается в этой стране «египтянин» (египетский хлопок), явление первостепенной важности для Туркмении и всего Союза. Мы видели, наконец, как успешно развивается здесь шелководство, как возрождается через организацию женских артелей замечательное, мировое по своему значению, искусство Туркмении ковроделие.

Всего, что мы видели, не расскажешь в такой небольшой заметке. Я бесконечно рад, что мне удалось быть в этой красочной, интересной, обновляющейся стране в историческую эту весну тридцатого года.

Г. САННИКОВ

О ПОЕЗДКЕ НА ТУРКСИБ

БЕСЕДА С ЕФ. ЗОЗУЛЕИ

Восемь суток мы ехали для того, чтобы собственноручно и собственноглазно пощупать и увидеть первое крупное достижение пятилетки—железную дорогу, проложенную через пустыни и степи— дело, которому удивляется весь мир. Проект подобной дороги через часть Сахары—капиталистический проект—задуман больше двадцати лет назад, но до сих пор очень красиво и четко вычерчен на бумаге. Мы же, бедные, грязные, теснимые со всех сторон капитализмом, только начинающие строить пролетарское государство, в первую же пятилетку, в сокращенный срок осуществляем такое грандиозное предприятие. 1.442 километра пути через голодные степи, пустыни, через сыпучие пески и каменные кряжи. Не восемь суток, а восемь месяцев стоило бы ехать, чтобы видеть воочию, на месте, в рабочей обстановке людей, сделавших такое дело.

И мы видели.

Мы видели строителей, главарей, чернорабочих, землекопов, инженеров, казаков, партийцев, костыльщиков, прокладчиков, техников-комсомольцев. Мы видели людей с чудовищной волей, фанатической настойчивостью, мечтателей, энтузиастов, пламенных изобретателей, подвижников и героев. Если ехать за «темами» и «сюжетами», то их тут непочатый край. Пожалуйста, нарезайте и вывозите! Но все размеры и вкусы. Но горе тому писателю, кто за темочками и сюжетиками не увидит главной темы и главного сюжета: строительства социализма. Только в такой поездке видишь, как тускнеют обычные литературные жанры, как на-ходу опрокидываются и сгниивают «литературные» приемы, построения и методы. К чорту все это! **Советские писатели должны ехать и видеть наше строительство не для того, чтобы «ловить» там обычные темы и сюжеты, а для того, чтобы терять их.** Да, терять старые подходы к темам и сюжетам и приобретать новые. Многое из того, что пишется о нашем строительстве, никчемно только потому, что не найдена новая форма.

Строится по-настоящему новая жизнь. Строится всюду. В большом и в малом. Она строится и тут, вокруг нас. В толчее не всегда разберешь, не увидишь, не почувствуешь, как нарастает великий процесс. Мы бежим по своим путям, толкаемся, кричим друг на друга, орем, нервничаем, делаем ошибки и упрекаем за ошибки. И один из лучших способов видеть, осязать, чувствовать наш рост—это поездки на лучшие участки нашего строительства.

И теперь я пишу заново, пишу горячо и много, пишу с небывалым увлечением —на Турксибе можно было заразиться страстью к работе—и не знаю, хорошо ли это будет или плохо, но для себя я давно решил: лучше плохое новое, чем хорошее старое.

Приглашайте нас почаще, посылайте! Единственная школа для советского писателя—это участие в нашем великом строительстве и по возможности шире ознакомление с ним.

ПРОТИВ РЕАКЦИОННОЙ ШКОЛЫ ВОРОНСКОГО

О СОДРУЖЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ „ПЕРЕВАЛ“

РЕЗОЛЮЦИЯ СЕКЦИИ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И ЯЗЫКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

В результате проведенной секцией литературы, искусства и языка Коммунистической академии дискуссии бюро секции принята следующая резолюция:

1. Марксистское литературоведение, коммунистическая критика и пролетарское литературное движение должны вести борьбу с литературной критикой и художественной практикой школы Воронского (содружество «Перевал»), с той же решительностью, с какой они повели борьбу против концепции Переверзева.

2. На всех этапах классовой борьбы в советской литературе школа Воронского концентрировала огонь на пролетарской литературе. В период 1923—1925 гг. она пыталась, основываясь на троцкистском понимании пролетарской диктатуры, отрицать самую возможность существования пролетарской культуры и литературы. В конце восстановительного периода, созданная Воронским литературная группа «Перевал» об'явила пролетарскую литературу дискредитированной и лозунги классовой борьбы в литературе опороченными. Новые выступления «Перевала» являются закономерным развитием этой линии борьбы против гегемонии пролетарской литературы и завершают теоретическое развитие школы Воронского от непоследовательного марксизма к неокантианству и бергсонизму.

3. Мировоззрение и метод школы Воронского следует охарактеризовать, как мировоззрение и метод интуитивизма в сочетании с наивным реализмом.

В своем решении проблемы художественного познания действительности школа выдвигает на первый план интуицию, непосредственное алогическое («сверхлогическое») знание о мире. Только такое произведение признается школой истинно художественным, в котором об'ективизированы стихийные бессознательные реакции творческого суб'екта на окружающую действительность. Тем самым школа производит полную ревизию марксистского учения об искусстве, как **образном** выражении чувств и мыслей **общественного (классового)** человека. Тем самым начисто зачеркивается активная и доминирующая роль **мировоззрения, идеологии** в художественном творчестве. А проблема мировоззрения есть ближайшим образом—проблема **классовой, политической** направленности творчества. Снимая проблему мировоззрения, пытаясь целиком растворить последнее в неопределенном бесформенном потоке бессознательных реакций (это называется на языке школы Воронского «слиянностью мировоззрения с мироощущением»), теоретики и художники «Перевала» снимают и проблему конкретной классовой направленности искусства, подставляя на ее место некое «внеклассовое» творчество, подчиненное своим особым «всеобщим» и «вечным» законам. Но так как по сути дела снимают не проблему мировоззрения вообще, а проблему овладения передовым мировоззрением революционного пролетариата, то и провозглашением примата интуиции, «мироощущение» раскрывается, как **противопоставление** мировоззрению революционно-пролетарскому—иного, отнюдь не революционного, отнюдь не пролетарского мировоззрения, а «внеклассовость» творчества разоблачается, как совершенно определеная классовость, тоже отнюдь не пролетарская и не революционная. Последнее обстоятельство с особой отчетливостью вскрывается в конкретном творчестве писателей «Перевала».

4. Критики и писатели «перевальцы», следуя теориям Воронского, полагают, что метод **интуитивизма** есть метод наиболее истинного адекватного художественного познания об'ективной действительности. Школа представляет себе процесс этого познания, как стихийное, непосредственное проникновение и слияние отрешенного от «житейских предрассудков» творческого суб'екта с миром. Отсюда теория «виденья мира», «снятия покровов» и т. п. На самом же деле теория «видения мира» ничего общего не имеет с подлинно об'ективным (в диалектическо-материалистическом понимании этого слова) познанием действительности. Мера об'ективности познания обусловлена в первую очередь «классовой позицией художника и соответствующим этой позиции мировоззрением. В наши дни способен познавать мир с наибольшей мерой об'ективности только тот художник, который стоит на передовых позициях революционного пролетариата, и вооруженный мировоззрением этого класса активно участвует в «революционной» переделке общественных отношений. Перевальское же «видение мира» ведет в художественной практике к самому жалкому крохоборческому эмпиризму, в «системе» которого весьма видное место занимают типично суб'ективистское копание в индивидуальной психике, бесконечное и нужное **«обыгрывание»** бытовых деталей и пр. Все это отмечено большой, чисто обывательской узостью кругозора, скудностью тематики и чаще всего сопровождается прямым извращением действительности под углом зрения реакционных и отсталых социальных группировок.

5. Отдельные лозунги, выброшенные «Перевалом» в его последних выступлениях (см. предисловие Лежнева к «Ровесникам»), скрывают под чрезвычайно абстрактной внешней формой весьма конкретное идеологическое содержание, враждебное идеологии пролетариата.

Школа Воронского в вопросе о критерии художественной истинности творчества выдвигает критерий искренности художника, понимая его идеалистически (в соответствии с Аполлоном Григорьевым), как выражение художником только самого себя. Таким образом отрывается суб'ект от суб'екта и совершенно смазывается вопрос о конкретном содержании творчества. Постановка проблемы об «искренности» у «Перевала» имеет лишь тот смысл, что она **противопоставлена** проблеме классово-политической направленности творчества. Материалистическая диалектика знает только один об'ективный критерий художественности — соответствие формы содержания творчества об'ективной действительности, но она не отрывает этот критерий от классовой природы художника, целиком и полностью исходит из критерия классовой практики. Между тем школа Воронского глубоко безразлична к тому, что именно выражает художник, лишь бы он выражал это искренне. Тем самым наперед оправдывается любое реакционное и ложное содержание.

6. В качестве прообраза идеальной творческой личности выдвигается лозунг «моцартианства» как тип художника—избранника, наделенного высшей творческой интуицией, абсолютно независимого и свободного в своих вкусах и общественных симпатиях. Проблеме «моцартианства» посвящена повесть Слетова «Мастерство», которую «Перевал» считает своей программной вещью. Об'ективный смысл лозунга «моцартианства» в слетовской повести заключается в пропаганде жреческо-аристократического взгляда на роль художника. Трагедия «истинного творца» в изображении Слетова является злобной и реакционной клеветой на нашу революцию. Идеализация «моцартианства» и унижение «сальеризма» имеет в наши дни лишь тот об'ективный смысл, что этой антитезой подчеркивается стремление определенной части интеллигенции оставить за собой монополию на художественную культуру. Барско-буржуазная природа этой апологии «избранничества»—вне всякого сомнения.

7. В качестве собственного метода художественного овладения действительностью выдвигается «умение видения». Лозунг этот, целиком связанный с интуитивизмом, не может не привести в творческой практике к тому, что «освобожденный от покровов» мир перестает быть миром классового человека и классовой борьбы и якобы раскрывается в своей первоначальной «данности» и «истинности». Крайне показательны в этом отношении рассказы Зарудина (Древность»), Мих. Пришвина («Медведи»), Н. Павленко (Шематоны) и др. Своеобразный «руссоизм» их, бегство в «древнее», «первобытное», целиком и до конца реакционен. Это есть форма дезертирства из революционной действительности.

8. Лозунг «эстетической культуры» для школы Воронского является лишь плохим псевдонимом пресловутой горбовской «Галатеи» и означает по существу, что художник, якобы, должен уметь создавать свой особый мир «эстетической действительности», равноправной с другими видами действительности. Эта типично идеалистическая концепция, реставрирующая в сущности старую символистскую «башню из слоновой кости», с предельной откровенностью развернута в рассказе «перевальца» П. Павленко «Лубок» («Красная новь». № 930, кн. 3).

9. Наконец, достойное свое увенчание эта система глубоко-реакционных идей находит в политическом лозунге «Нового гуманизма». Последовательно изолируя в своей теории художника и творчество от классовой борьбы, «перевальцы» докатились до того, что в дни жесточайших классовых битв противопоставили борющемуся классовому человеку пролетариата человека вообще, человека с большой буквы, «живого человека». Об'ективно это означает, что классовый человек определенной мелкобуржуазной прослойки перепугался, струсил и ищет выхода в примирении враждующих сторон, в смягчении классовых противоречий. Художественные «иллюстрации» к этому тезису «Перевала» дали в своих произведениях Ив. Катаев («Молоко») и Б. Губер (отрывок из романа «Сыновья»).

10. Новейшие теоретические (особенно и в частности декларация «Перевала») и творческие выступления школы Воронского свидетельствуют о том, что эта мелкобуржуазная по своим основным установкам группировка, в которой и раньше были довольно сильно развиты реакционные, антипролетарские тенденции, ныне сделала еще один весьма значительный шаг в сторону идеологических позиций классового врага социалистической революции, став целиком и полностью на позицию бурж

ОБСУЖДАЕМ ТВОРЧЕСКИЙ МЕТОД ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

„РОЖДЕНИЕ ГЕРОЯ“

В более широкой общественно-политической плоскости эта беспомощность перед реальными противоречиями, стремление подобно страусу спрятаться от них, завернув голову в схемы, проявляется у Горлина. У него эйдунеизм достигает наибольшей завершенности. Горлин — это «прекрасный товарищ», как его характеризует Эйдунен. Шорохов его посылает на работу в Туркестан, и там проявляются эйдунеизские черты его сущности. Хотя он (нетерпимый и придирчивый схематик) и ведет усердно партийную работу, но вокруг него образуется все больше пустого места. Он все резче отрывается от обездоленных и нищих масс, беспокойно, в трудностях и противоречиях, вростающих в революционную эпоху.

Горлин, вместе с Ольгой Шороховой — его женой, так же, как и другие «Эйдунены» не в состоянии понять, что в противоречивом Селиме, пастухе-партизане, проповедывавшем нелепые теории о бессмертии души, живет пламенный дух революции. Селима нужно настойчиво и упорно воспитывать, преодолевая в нем застарелые рудименты Ислама, — все эти идеалистические бредни. Эйдунен — мы говорим о сборном Эйдунене — от противоречия устраняется (устраняется, конечно, внешне, ибо оно не перестает существовать), он просто удаляет Селима из партии, замыкаясь в чистоте своих «принципиальных» риз.

Ибо неотъемлемая черта эйдунеизма — отображение от противоречивой и сложной реальности в искусственном «идеальном» мире.

И когда Шорохов торжествующе сообщает им, Горлину и Ольге, что исчезнувший после своего исключения из партии Селим вернулся, он видит их по-эйдунеизски замкнувшимися в благополучной достойности своих отношений. У них предвидится ребенок, и они тихо и нежно говорят о том, что воспитают его, как коммуниста, и назовут его «по Ленину».

Попутно Шорохов приходит к раскрытию «эйдунеизского» обмана в своих отношениях с Любой, которые втаскивали его в отгороженный от мира семейный мирок, и в своей фальшивой идеализации отношений с покойной женой Наташей.

В образе эйдунеизма Либединский поднялся до широкого обобщения философского охвата. Не трудно заметить, что эйдунеизство — это переведенное на язык характера, воплощенное в образе рассудочное метафизическое мышление и отношение к действительности. Видеть действительность в виде неподвижно застывших сторон, втискивать сплошную реальность в придуманные схемы, не улавливать окружающего в процессе его изменения и движения, не видеть противоречий, не уметь их преодолевать, отгораживаться от них — вот в чем сущность этого образа.

Опасность эйдунеизма реальна и ощутима. Достаточно вспомнить круг явлений, названных «головокружением от успехов». Поставив эту проблему, Либединский вступил в круг задач, поставленных перед пролетарской литературой реконструктивным периодом.

Но тут в романе Либединского проявила своеобразная передвижка тематического центра тяжести. Замысел автор заключался в том, чтобы, исходя как будто бы из семейно-любовного сюжета, дойти до его отрицания, поставив главенствующую проблему воспитания растущего поколения революции в атмосфере чистых классовых завоеваний старого быта. Эйдунеизм — в окружающих и в себе — должно было стать путем высвобождения Шорохова из пут «неправильной» любви, заслонившей от него заботы о революционном формировании детей эпохи. Но эйдунеизм — это явление более универсального порядка, проявляющееся в ряде сторон практики нашей действительности. Так эйдунеизм оказалось шире того сюжетного плана, в котором вещь написана, оно шире рамок и той проблемы, которую Либединский хотел сделать центральной проблемой воспитания детей революции. Нет полного совпадения между идейным стремлением романа и фабульным стержнем. И в этом значительный недочет романа.

Горлинская линия проявления эйдунеизма, развертывающаяся к концу романа, — это большая, значительная и актуальнейшая тема, к которой пролетарская литература должна будет еще вернуться.

Общественно - политический эквивалент ее можно найти на многих страницах Ленина и против отзовистов, и против «левых» коммунистов и т. д., где он боролся против рассудочного, одностороннего и поверхностного метафизического мышления, за выработку революционным пролетариатом глубокого диалектического подхода к действительности.

Борьба за органическое овладение диалектикой — пусть слово «диалектика» ни разу не упоминается Либединским — переведена на язык образов. Есть положение диалектической логики, что при отрицании данного положения или предмета оно не просто устраняется, отбрасывается, уничтожается. Диалектическое отрицание снимает предшествующее положение, впитывая его в себя как свое основание. В «Рождении героя», отрицая Эйдунена, Шорохов не отбрасывает его. Рассудочность тоже нужна и полезна, но в отведенных ей пределах.

«Я любил Эйдунена, и как мы хорошо вместе работали. И он мне был полезен и нужен, пока не проник в меня, не стал мною командовать. А теперь он больше не сможет мною командовать, — подумал Шорохов. Я поставлю его на его место, и снова будет он работать под моим началом».

В этих последних страницах романа для Шорохова развязывается узел его личной и семейной коллизии, потому что он его разрешил с широкой универсальной точки зрения классового мировоззрения. И только в этих страницах для читателя становится полностью ясным замысел автора начать с семейного сюжета не для того, чтобы им кончить, но чтобы с ним покончить. Любопытно, что в начале романа, когда Шорохов в паутине неосознанной им как «неправильной» любви, — язык Либединского какой-то акварельный, не крепкий, не мужественный. В дальнейших главах язык крепнет и яснеет, наливается эмоциональной полнокровной силой и находит в достаточной степени полнозвучные краски для воплощения диалектического мироощущения.

Шорохов, человек революции, в момент революции думает о смерти. Мотив смерти в мировой литературе повторялся не раз. Как он разрешается? Либо ужас перед индивидуальным уничтожением, либо жертвенная или фаталистическая покорность судьбе, либо мысли о бренности земного, ничтожестве людского и величии мертвой природы или потустороннего.

Но чувствовать себя слитым с жизнью своего класса и самоутверждающемся в его жизни? Видели ли мы в допролетарской литературе такие мотивы?

Замечателен отрывок, изображающий мысли Шорохова о старости. Он думал, «впервые ощущая свое уничтожение не как **страшное слово смерть, ему противостоящую силу, которая жестоко поборет его, а как то, что приходит, в непреодолимой связи от того, что он называл жизнью. И он с небывалой силой почувствовал, что те главные мысли, которые его сопровождали всю жизнь, что не только они включены в его жизнь, но и он весь включен в бытие этих мыслей, и он исчезнет, а эти мысли останутся — чтоб завершиться — вон на тех далёких сейчас ему открывшихся вершинах».**

Выступления против «Рождения героя» и вообще против «столбового» метода пролетарской литературы, которые до сих пор имели место, по существу говоря, очень мало дают уяснения проблем пролетарской литературы. Литературная действительность дана в них в искаженном до полной неузнаваемости виде. Не стоило, пожалуй, на них и останавливаться, если бы они не послужили неожиданной иллюстрацией к некоторым образам, выведенным Либединским в «Рождении героя». Речь идет об образе Эйдунена и о его германской разновидности.

Один из союзников Кострова по нападениям на «живого человека» и «углубленный психологизм» — мы говорим о Горбачеве — милостиво приоткрывает, например, что **«раскрытие душевных переживаний — это один из полезных методов привлечения симпатии читателя к герою»**. (Об путях пролетарской литературы». Сборник «Удар за ударом»). Когда писатель рисует героя отрицательного, представителя враждебного класса, тогда боже упаси от раскрытия его психологии, ибо этим самым привлекутся симпатии читателя на его сторону.

Вспомним теперь спор Шорохова и Эйдунена по делу Соловьева в «Рождении героя».

— Нам нужны какие-то прочные моральные установления, — говорил Эйдунен, покачиваясь и помаргивая...

И Шорохов понимал, «что Эйдунену нужна какая-то общая система, потому что он боится, что если не будет у него такой системы, то, вникая в индивидуальную психологию каждого, он принужден будет всех оправдывать и никого не может, осудить».

Не правда ли, сходство между рассуждениями Эйдунена и Горбачева — прямо поразительное.

Шорохов, как видно из романа, поступает противоположно Эйдунену.

«Для себя Шорохов никакой системы не вырабатывал. Он всегда старался человечно и с пониманием войти в положение того, кого ему приходилось судить. Он мог понять любое преступление, становясь на точку зрения того, кто его совершил, **и именно потому он мог беспощадно и безошибочно осудить** это преступление со своей точки зрения. И когда он осуждал, он делал это уверенно и смело, и получалось то, что в его действиях воплощалась партийная справедливость».

Кто же прав? Эйдунен (с Горбачевым) или Шорохов? Послушаем, что говорит Ленин о вульгарном об'ективизме.

«Вульгарный экономист, **показывая необходимость** данного рода фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения **апологета этих фактов.** Материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения... Материалист, с одной стороны, глубже, полнее проводит свой об'ективизм — у Ленина) и в то же время мог беспощадно и безошибочно осудить его, воплощая партийную справедливость («Материализм включает в себя и партийность» — у Ленина).

Но не бросают ли эти ленинские слова луч света и на наши творческие разногласия? Не ясно ли, что Горбачев, для которого понять — значит оправдать именно с позиции вульгарного об'ективизма (хоть и вывороченных наизнанку), ведет обстрел против творческого метода ведущей группы пролетарской литературы. Горбачевы обвиняют ее в «надклассовом об'ективизме». На самом деле, она, стремясь к художественному познанию действительности, стремится в качестве классового врага понять его психологию и действия именно для того, чтобы «по партийному» беспощадно и безошибочно осудить его» и этим самым содействовать победе над ним.

Установив родство Горбачева с Эйдуненом, перейдем теперь к Кострову, который в огромной статье о «Рождении героя» расписывал... проблему своячениц, которую он там увидел, не в то же время не заметил в ней проблемы эйдунеизма, центральной проблемы вещи. Это как будто бы странно, на самом же деле вполне об'яснимо, если вдуматься в то, что Костров критикует несостоятельность метода Либединского с той точки зрения, что ведь он, дескать, должен изображать большевиков, т.-е. «наиболее рациональных, целеустремленных и организованных людей».

Ну, а для того, чтобы бороться за перестройку психики пролетарского авангарда, чтобы он действительно был весь проникнут «рациональностью, целеустремленностью» (примем пока эту формулу Кострова), нужно ли для этого вскрывать внутренние противоречия, чуждые классовые влияния, одним словом неполное соответствие того живого людского материала, из которого состоит партия рабочего класса, вскрывать, как это делают Либединский, Фадеев, Панферов, Чумандрин и т. д., чтобы помочь преодолению этих противоречий? Как вы думаете, тов. Костров? Не идет ли это по пути ленинского вскрывания «комчванства», ленинского совета «поскрести любого коммуниста, чтобы найти в нем великодержавного шовиниста», ленинского призыва, бороться с Обломовым, который сидит внутри многих коммунистов и т. д.

Герои Либединского, как мы убедились, не выдуманные схемы. Это «живые люди», которые подчас на наших глазах спорят, выступают против «столбовой дороги пролетарской революции», пишут даже статьи, и даже находятся охотники их печатать. Это лишний раз доказывает близость основных идей Либединского к актуальным проблемам современности.

ЕФ. ДОБИН

* Окончание. Нач. см. № 18.

ВЫРОЖДЕНИЕ ГЕРОЯ

Почему стоит писать и спорить о последней вещи Либединского «Рождение героя», напечатанной в первой и второй книгах «Октября»?

Потому что эта вещь подрубила сук, на котором последние годы проживал тов. Либединский, сук углубленного психологизма, и т. Либединский оглушительно спланировал на землю.

Потому еще, что в этой вещи обнаженность приема и выговаривание всех букв до конца доведены до своего логического предела и есть основание, в связи с этой вещью, ставить принципиальный вопрос — это ли в действительности столбовая дорога пролетарской литературы?

Тов. Костров очень справедливо и остроумно расшифровал стержневую идею этого романа как «проблему молодой своячениці».

Старый большевик Шорохов вошел, как-то не постучавшись, в свою квартиру и... с места в карьер влюбился в сестру покойной жены своей, молодую своячениці, Любу. Она была неотразима — нагая, мощная волосы! «Прозрачно-серебристые, почти голубые тени пробежали по молочно-смуглой спине, и над широкими бедрами обозначились две одинаковые ямки, затененные и нежные».

Этого было достаточно. К тому же «Шорохов округлившимися ноздрями потянул воздух и услышал простой и сильный запах весенней земли»...

И пошло... И началось... То Люба нечаянно станет «почти вплотную, около, так близко», что заметен «нежнейший пушок, золотящийся на ее руке»... и тогда тянутся долгие страницы исследований, возникших в связи с этим настроений, чувств, сознательных, полусознательных и подсознательных мыслей, реальных, полуреальных, ирреальных рефлексов и переживаний Шорохова.

То, наоборот, Шорохов вдруг как-то косо, «через левое плечо и самопишущую ручку» взглянет на Любу и очередь «психоанализироваться» приходит Любе.

«Она успела уловить — сейчас, правда, затененный шутливостью, но странный и жалобный — взгляд, волнующий ее».

И вот «Люба ложится, берет книгу, раскрывает ее — **вдруг чувствует,** что и эта книга и все остальное — лекции, товарищи, и подруги, и ячейка (да, и ячейка) — все это неважное, постороннее, ее жизни ненужное...»

«Зачем Степа уезжает. Не нужно ему уезжать»... И она засыпает, настойчиво повторяя это про себя и превращая слова в несвязные образы, в теплые бессознательные стремления».

Любовно - психологические экзерсисы Либединского — это, конечно, не те безобидные упражнения, которые задавал старик Флобер молодому Мопассану:

— Опишите вашу дачу. Потом дачу вашего соседа. Потом визави.

Мопассан честно учился у классика, и это пошло впрок и ему и французской буржуазной литературе. Либединский также честно учится у тех же классиков, но...

Либединский не только «описывает» чувства и переживания двух «живых людей», смело и решительно ставя перед старой большевистской гвардией «проблему молодой своячениці», но и берет на себя труд иронически усмехнуться над выдуманной им самим коллизией, поднимая новую «проблему — **проблему подсудимого судьи.**

Дело в том, что Шорохов работает в каком-то высшем судебном или партийном учреждении. «Он всегда старался человечно и с пониманием войти в положение того, кого ему приходилось судить. Он мог понять любое преступление, становясь на точку зрения того, кто его совершил, и именно потому он мог беспощадно и безошибочно осудить это преступление со своей точки зрения. И когда он осуждал, он делал это уверенно и смело, так как он не помнил о себе и не задумывался над тем, что в его действиях воплощается партийная справедливость».

Но вот — не постучался прежде чем войти и... партийная справедливость становится под вопросом.

«Сейчас получилось так, что характерная эйдунеизская теория, сочиненная для того чтобы уяснить дело Соловьева, явно его не уяснившая, всеми своими неправильностями задевала самого Степана Григорьевича, то, что у него происходило с Любой, и он не мог вникнуть в дело Соловьева, потому что не мог забыть о себе, и это его раздвояло: **одна его половина судила, другая — предстояла суду,** и осуждения Соловьева не получалось». (Курсив наш).

«Homo duplex», писал в старину Валерий Брюсов о Верлене и о героях Верлена, т.-е. паки о нем же. Homo duplex, он же «живой человек», воскресные под пером Либединского в образе старого большевика Шорохова. Впрочем, этот традиционный Homo никогда и не умирал по-настоящему в нашей славной отечественной литературе — не умер он и в 1917 году. Сходная пропорция хороших и дурных качеств, две половинки, конфликтующие друг с другом в пределах одного Homo «со всеми удобствами», т. е. под руководством автора — это, по нашему мнению, и есть то соблазнительное «наследие» прошлого, от которого мы не отказываемся, **но «овладевать» которым не следует.**

«Она нравится... да, она нравится мне... Я хочу ее..», шепчет одна половина **«судьи»** в любовном трансе.

Другая половина, выждав положенное число страниц с «жестоким стыдом и страхом» допрашивает первую: «Что, влюбился старый чорт в своячениці?»

Это называется душевной коллизией, «проблемой» психологическим конфликтом, сталкиванием двух «начал». В таких случаях налитпостовец системы Либединского требует себе подобающих размеров полотно для раскрытия на нем методом «углубленного психологизма противоречивого внутреннего мира современного человека («живого»).

В подтверждение правильности метода и непреложности применения этого метода к «живым людям» налитпостовцы апеллируют обычно к Толстому, Флоберу и прочим «величайшим гениям проклятого прошлого». Мы предпочитаем, однако, обратиться к первоисточнику, мы назовем имя человека — забытого, человека, который впервые точными и сочными мазками набросал формулу «живого человека».

«Я не понимаю, — писал апостол Павел в свое время, — что делаю, потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр, а потому уже не я делаю, но живущий во мне грех. **Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе, но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. «Бедный я человек».**

(Римл. VII, 15—24. Курсив, конечно, наш). [1] Подробное раскрытие этих мыслей см. в диссертации архимандрита Сергия «Православное учение о спасении», Сергиев Посад, 1895.

Павел 1-го века и Степан 20-го века, удивительно единодушно, на протяжении веков, стяжая неизменные симпатии читателей, бьются над одной и той же проблемой:

— Как это так, — **«не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю».**

Толстой очень правильно перешел к концу своей жизни от «живого человека» к проблеме спасения его души. Толстой был, как известно, верующий.

Либединский совершенно неправильно забывает о единой наклонности некоторых путей старого искусства. «Спасения души» для своего героя ему все равно не придумать, оба они люди неверующие, да и кроме того... помимо всего и окромя прочего... **нет сейчас такой проблемы в советской действительности, «проблемы молодой своячениці»** — этого факта не нужно замазывать.

А что Шорохов на странице 18 заявляет:

— Я передам ей (своячениці, в случае если она сделается его женой) свой революционный опыт, воспитаю ее как большевичку — так это чепуха ясная. Большевички воспитываются не в алькованах.

«Иной закон, противоборствующий закону ума моего». Homo duplex, конфликтующий сам с собой [1] живой homo-большевик в апультерном разрезе — это боевые темы пролетарской литературы??

Нет!!!

Тут вот и обостряются наши разногласия с тов. Либединским.

Были, между прочим, и у Льва Николаевича Толстого в свое время враги.

В 1875 году по поводу печатавшейся тогда «Анны Карениной», М. Е. Салтыков-Щедрин писал П. Анненкову:

«Вероятно, вы читали роман Толстого о наилучшем устройстве быта детородных частей. Меня это волнует ужасно. Ужасно думать, что еще существует возможность строить романы **на одних** половых побуждениях. Ужасно видеть перед собой фигуру безмолвного кобеля Вронского»... (Примечательный курсив принадлежит автору письма).

Именно **об этом,** о наилучшем устройстве быта этих самых «частей», именно **так, на одних половых побуждениях,** написал роман «Рождение героя».

В 1875 году это казалось ужасным. В 1930 году это — (уже..?) (вдруг..?) (почему..?) (как-то..?) — не кажется ужасным. Или мы привыкли?!

Итак, — проблему молодой своячениці» мы отменили как проблему. Родославную Homo duplex'а мы проследили вплоть до рождества христова, по части общей тематической установки романа мы процитировали тов. Салтыкова-Щедрина, с которым вполне согласны.

Что же остается? Остается «проблема» подсудимого-судьи, остается ироническая усмешка Либединского:

— А судьи кто?!

Тов. Либединский и редакторы «Октября» думали, должно быть, что это — умная ирония, полезная ирония, своевременная ирония.

Мы же думаем в данном случае как раз шиворот-навыворот.

P. S. В. Ермилов, защищая в Литтазете «Рождение героя», признает ошибку Либединского в том, «что он **преувеличил** семейно-бытовой план за счет показа своей идеи в более трудном плане — в плане **общественного действия».**

Походя, Ермилов замечает еще, что «на романе лежит отпечаток преувеличенной рефлексии». Тов. Ермилов только не задается трудом проследить, откуда идут эти «преувеличения» и «рефлексия». А это-то и нужно выяснить, а это-то и интересно!

Хитрость Ермилова заключается в том, что он, отделавшись парой самокритических замечаний, **хочет сохранить метод углубленного психологизма в неприкосновенности.** Для Ермилова ошибки Либединского — это просто ошибки. Точка. Дальше критик бормочет что-то о «нескончальном усвоении правильного творческого метода» (т.-е., того же психологизма). Для нас же все ошибки Либединского вполне закономерны, ибо прямо проистекают из его творческого метода.

В методе, которым работал Либединский последние годы, он сделал определенные успехи, и **именно поэтому ошибки Либединского стали сегодня тем более выпукло показательны и для него, и для его метода.**

Именно метод определил «семейно-бытовой план», выпятил половую проблему, сгустил рефлексию, оторвал сознание героев от общественного бытия.

Именно поэтому вся общественная жизнь, вся реальная обстановка жизни советской Москвы даны только как **фон,** или как факты, приходящие в половую доминанту сознания duplex'а большевика Шорохова. И служба, и ячейка, и окружающие — это не реально существующие служба, ячейка и товарищи, **а лишь факты, так или иначе задевающие сознание героя, и через это сознание автора и «отраженные».**

«Горлинская линия развернута в романе очень бегло, так бы уславливается Ермилов. Еще бы! Она развернута ровно настолько, насколько вся туркестанская история [illegible] весенними передрягами голову героя. Ячейка дана постольку, поскольку Любу, занятую своим романом с Шороховым, она «вдруг» не интересует, служебная деятельность Шорохова — постольку, поскольку роман Шорохова ассоциируется с пре-какими его служебными делами.

Метод, устаревший задолго до реконструктивного периода, метод, всеми своими четырьмя ногами находящийся в прошлом, незаметно свел Либединского на старую идеалистическую позицию: **мир существует не сам по себе, а лишь как акт нашего сознания.** Метод заставил Либединского рисовать не поступки и действия своих героев, а их побуждения, сомнения, размышления. Либединский заставляет читателя судить о героях не по их поведению, не по их поступкам, а по их... **«совести»!**

«Вопрос о диалектическом и абстрактно-метафизическом методе мышления», если и поставлен Либединским, то, конечно, только **абстрактно-метафизически.**

Есть такой разговор:

— Человека нет дома.

— Еще нет? или уже нет?

На такие темы любит спорить Ермилов.

А по нашему убеждению человек (Либединский) вообще не проживает в этом месте.

Ю. Либединский очень трудолюбиво и самозабвенно потеет на старой трехпольной толстовской ниве, которая, к сожалению, никак не входит в социалистический сектор нашего хозяйства.

В. КАТАНЯН.

[1] Некстати приходит на ум прокурор на пушкановских «Красных мантий».

ПРОТИВ ЧЕГО МЫ БОРЕМСЯ

ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ ГРУППЫ РАППОВЦЕВ К III ОБЛАСТНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ЛАПП

Мы боремся против лозунга живого человека в литературе, потому что это лозунг беспартийный. В нем забыто главное, основное, обязательное для каждого пролетарского писателя, а именно: требование отчетливого политического, классово-действенного отношения к действительности.

Мы боремся против лозунга психологического реализма, который выдвигается, как единственно возможный и правильный творческий метод пролетарской литературы, потому что будучи маскировкой суб'ективно идеалистических и индивидуалистических тенденций, этот лозунг пытается направить пролетарских писателей исключительно на бездейственно-созерцательное изображение замкнутого мирка узко личных переживаний индивидуального, случайного, искусственно изолированного от общественной жизни и классовой борьбы человека.

Мы боремся против такого понимания лозунга «учебы у классиков», которое не кладет в основу революционно критического усвоения и преодоления прогрессивного наследства старых классовых культур, потому что такое понимание полагает основную задачу революционно-критического использования наследства некритически, пассивным копированием «приемов творчества» того или иного классика (главным образом Льва Толстого); такое понимание ведет на практике к внедрению в произведения отдельных пролетписателей элементов чуждых и враждебных пролетариату классовых идеологий.

Мы боремся против теории «непосредственных впечатлений», об'являемой «вечным законом» искусства, потому что: эта теория ни в какой мере не соответствует действительному историческому развитию конкретного искусства, законы которого менялись вместе с изменениями в общественной жизни человечества; эта теория пытается навязать пролетарской литературе господство первичных, наименее совершенных, наименее действенных, наиболее неопределенных и стихийных форм человеческого знания о мире, сводя к нулю решающую роль революционной практики и революционного сознания, передового, пролетарского мировоззрения, которое только и в состоянии обеспечить пролетарской литературе — как и всем другим видам революционной деятельности рабочего класса — до конца пра-

Мы боремся в целом против творческих лозунгов налитпостовства и против литературной практики, осуществляющей эти лозунги, потому что они политически бездейственны и безразличны; они выдвинуты и осуществляются в отрыве от конкретных политических задач партии и рабочего класса в реконструктивный период и поэтому не могут служить этим задачам; они не в состоянии вооружить пролетариат в тех гигантских боях и работах, которые развертываются на наших глазах; они не способны помочь рабочему классу в разрешении всемирно-исторической задачи, поставленной нашей партии, задачи построения социализма в минимальный исторический срок; они не в состоянии повернуть пролетлитературу лицом к отдельным конкретным проблемам борьбы и строительства.

Отрываясь от политической, революционной практики класса, эти лозунги неизбежно приводят к ревизии основ диалектического материализма, выдавая идеалистическую теорию «непосредственных впечатлений» за вечный закон искусства.

Эти лозунги тормозят, наконец, борьбу пролетарской литературы за гегемонию.

Мы боремся за изображение деятельности, борьбы, чувств и мыслей конкретных классовых коллективов и отдельных классовых людей — во всей сложности движущих ими противоречий — с точки зрения марксизма-ленинизма, под углом зрения революционных задач рабочего класса, потому что

[illegible]

процессов общественной жизни, которое являлось бы одновременно и определенной социально-политической оценкой этих чувств и мыслей и этих процессов, потому что только такое изображение может сделать пролетлитературу действительным оружием революционной перестройки общественного сознания; только такое изображение обеспечит материалистический показ явлений человеческой психики, т.-е. показ их в их противоречивом единстве и на основе показа классовой практики общественного человека.

Мы боремся за решительную последовательную гегемонию в пролетарском искусстве революционного мировоззрения рабочего класса, потому что только это мировоззрение способно обобщать, исправлять, очищать, проверять «непосредственные впечатления» художника от потока действительности, выделять из этих впечатлений об'ективно нужное, об'ективно верное и критиковать, отбрасывать, подавлять все [illegible] рабоче-

[illegible] механическое, эклектическое [illegible] «непосредственных впечатлений» с революционным мировоззрением, а полное и решительное господство последнего над всеми остальными формами познания.

За революционную сознательность, против голого стихийничества!

Мы боремся за сознательную боевую партийность пролетлитературы, потому что борьба за партийность пролетлитературы означает мобилизацию литературы на службу практическим задачам рабочего класса на сегодняшний и завтрашний день; только бессознательные или скрытые враги марксизма (типа Воронского и Переверзева) могут отмахиваться от проблемы партийности в литературе простым повторением того, что всякая-де литература социально обусловлена и потому, дескать, «сама по себе партийна».

Мы боремся за максимально широкий охват пролетлитературой всех сторон действительности. Но мы в то же время за злободневность, за сознательно-целевой отбор наиболее нужной в настоящее время тематики; за немедленную активную реакцию на любое волнующее современность явление.

Поэтому: мы выдвигаем такую тематику и такие литературные жанры, которые помогли бы пролетлитературе перестроиться для решения задач реконструктивного периода и периода новых решающих боев между капиталом и трудом во всем мире.

Мы не возьмем монополии на лозунги. Мы только боремся против увековечения, а также смазывания опасности лозунгов «живого человека», «психологического реализма», «непосредственных впечатлений» и пр. и пр.

Поэтому мы за свободное соревнование различных творческих групп — внутри РАППу и на основе единой политической линии партии и развернутой смелой большевистской самокритики.

Поэтому мы против навязывания всему РАППу творческих лозунгов какой-нибудь одной внутрирапповской группы.

Поэтому мы за широкую творческую дискуссию, за товарищеское обсуждение вопросов, за смелую большевистскую самокритику, за действительную консолидацию коммунистических сил пролетлитературы против нетерпимой групповщины, беспринципного окаивания инакомыслящих и семейственного прикрывания собственных ошибок.

И. Беспалов, А. Безыменский, Вс. Вишневский, М. Гельфанд, Ан. Камегулов, В. Саянов, Я. Ильин, Б. Соловьев, Г. Горбачев, Т. Костров и др.

Присоединили свои подписи:

Делегаты конференции ЛАПП:

А. Крайский, Геннадий Фиш, Владимир Завдчиков, Александр Решетов, Д. Остров, А. Прокофьев, Елена Золотова, Е. Люфанов, Купер, Зельцер, Хенвен, Мамин, П. Яцынов, С. Галышев, К. Паллон Бубинас, Р. Мессер, Коршунов, Коломейцев, Мерквенас, Микора, Гринфельд, Ген. Коротков, Иван Никитин, М. Карпов.

ЗА РАБОЧЕГО АВТОРА

ИЗ ОБРАЩЕНИЯ БЮРО ЛИТОБ'ЕДИНЕНИЯ „НЕДРА“

Об'единение горняцких авторов «Недра», сгруппировавшихся вокруг журнала «Горнорабочий», призывает всех, кому дороги интересы пролетарской литературы, и прежде всего товарищей по работе в профсоюзных органах и писательских организациях, протянуть руку дружеского содействия рабочим авторам. Творчество рабочих масс растет стихийно, неорганизованно, без всякого руководства, при отсутствии учебы, при наличии к нему равнодушия со стороны наших журналов и газет. А ведь именно отсюда должен притти исчисляемый не в единицах и десятках, а в сотнях и тысячах подлинный писатель пролетарской революции.

Об'единение призывает все профсоюзные журналы последовать его примеру: организовать вокруг себя рабочих-авторов в форме крепкого коллектива, тесно связанного с местами; создать у себя литературную страницу, опирающуюся на творчество рабочих-авторов и проводящую литературную учебу; приступить к изданию литературно-художественных сборников; открыть широкую консультацию по рукописям начинающих авторов с лозунгами: ни одного письма — без ответа, ни одной рукописи — без основательного разбора!

Об'единение предлагает всем писателям-горнякам в Москве принять участие в нашей работе, а проживающим на местах крепко связаться с «Недрами».

Об'единение приветствует всесоюзное общество пролетарских писателей «Кузница», оказавшее энергичное содействие организации «Недр» и взявшее шефство над горняцким литературным молодняком, который еще медленным, но уверенным шагом идет по дороге подлинной пролетарской литературы.

Об'единение «Недра» не опирается на какую-либо особую литературную платформу и призывает все наличные горняцкие кадры писателей как выявившихся уже, так и начинающих, влиться в наше об'единение.

На злобу дня

Какова главная опасность в РАППе? Не вообще в советской литературе! Не вообще в литературной политике партии! Какова главная опасность в РАППе? Как будто ответ общеизвестен: в резолюции последнего пленума правления РАПП по докладу Авербаха сказано, что главной опасностью в РАППе является опасность правая. Чем же была вызвана такая оценка положения: «данью времени», копированием партийных резолюций, механическим перенесением в область литературы общеполитических характеристик? Ни в каком случае! Главная опасность в РАППе правая потому, что таково действительное положение внутри пролетарской литературы, потому что таковы основные уклоны от рапповской литературной политики, потому что и для налитпостовства главной опасностью является правая. Можно утверждать, что на словах это признает каждый и всякий. А если так, то нет ли у нас некоторого искривления в рапповской повседневной работе? А если так, то вполне ли верно в пылу текущей полемики определяются тон., степень и частота ударов? А если так, то достаточно ли последовательно и отчетливо определяются линии размежевания с неизбежными противниками и возможными друзьями?

Думается, что почти всегда бывшая злосчастной нам, рапповцам, недостаточная тактическая гибкость сказывается сегодня ясно и резко.

В самом деле, нет ли у нас за последнее время такого положения, когда на имеющуюся, конечно, «левую» мелкобуржуазную революционность обращается несоразмерно большее внимание, чем на безусловно «правые» конструктивистские увлечения пролетарского литературного молодняка, чем на никчемную, пустую и даже об'ективно вредную тематику многих и многих начинающих рабочих писателей, чем на наличие в РАППе восьмых «художников» явно попутнического — и все более попутнического! — толка? В. Дмитриев, к примеру, справедливо исключается из РАППа, хотя и с некоторым опозданием. Но не находится человека, который быстро и развернуто разобрал бы уклоны Дмитриева в сторону буржуазного дельчества, интеллигентского индивидуализма, воспевания аполитичного крохоборчества! Целесообразно и вполне основательно резко критикуется «большевизация по-владимирски». Но не получается критика мещанской пошлятины во Владимирской ассоциации исходным пунктом для все более решительного и ожесточенного похода против мельконького эстетства, против обывательского «поэзо»-сюсюканья, против явлений перерождения некоторых из писателей, которые могли бы вырасти в писателей пролетарских. Или — еще более глубоко «самокритическое замечание» — критикуется извне РАПП произведения, например, того же Дмитриева или Н. Смирновой, напечатанные в «Октябре». Напечатание их в «Октябре» — ошибка, и я не сомневаюсь в том, что, хладнокровно продумав эти произведения, со мною согласится всякий напостовец. А между тем и редакция «Октября» и секретариат РАПП попросту обходят правильные замечания, хотя вы и противников РАПП. А ведь эти замечания не зря бьют направо, хотя бы те, кто бьет нас за эти ошибки, и были бы на деле сто раз и безусловно правыми оппортунистами.

Все это я пишу отнюдь не для того, чтобы притти к тощей абстракции, которая некоторым кажется глубокой мыслью, являясь для них основной нормой поведения: дескать, побольше терпимости к критике, дескать, помягче спорьте, дескать, полегче на поворотах. Примитивное скудоумие подобных прописей разоблачается тем, что ими не дается ответ на основной вопрос: к кому надо быть менее терпимыми, с кем надо [illegible] спорить, с кем надо перестать [illegible] на то пошло! — напостовцам сейчас не хватает политики нападения на противников. Смешная картина: мы кое в чем ваяли явно оборонительный тон — в особенности в вопросах творческой линии. Совершенно зря! Все литературные события последнего времени настолько показали правильность наших основных установок, что у нас все основания быть в положении армии наступающей, а не обороняющейся, наносящей новые удары, а не защищающейся, ведущей атаку, а не отсиживающейся в окопах. Это, повторяю, относится и к вопросам творческой линии напостовцев.

Кричат, бранятся, шумят, с гордым видом завоевателей Америки пишут против нас программные статьи, а по сути дела или невольно берут или сознательно крадут основное у нас, из нашего багажа, из завоеванного нами, прикрываясь, однако, полемикой с той или иной частной ошибкой, а то и оговоркой, а то и опечаткой, а то прямым искажением и извращением тех лозунгов, которые мы давали на путях выработки нашей линии, которые себя вполне исторически оправдали, будучи затем закономерно «сняты» более глубокой и широкой постановкой тех же вопросов, исходя из той же принципиальной установки.

Никуда не уйти от того факта, что мы, напостовцы, первые в современных литературных дискуссиях на место прежних разговоров о неких «реализмах» и «романтизмах» вообще поставили вопрос о материалистическом и идеалистическом художественных методах, что мы, напостовцы, первые поставили вопрос о методе диалектико-материалистическом в противовес стихийному и неизбежно ограниченному материализму буржуазных классиков, что мы, напостовцы, первые стали исходить из внутренно содержательного противопоставления Марксом Шекспира и Шиллера и слов Ленина о срывании масок Толстым, что мы, напостовцы, первые связали творческие вопросы пролетарской литературы с ленинским определением задач культурной революции как эпохи величайшей переделки человеческого материала, что мы, напостовцы, первые — в противовес хвостизму цеховщины и махаевщины — развернуто начали ставить вопросы тематики, рабочей тематики, тематики реконструктивного периода.

Как мы ставили эти вопросы? Конечно, недостаточно глубоко. Конечно, не всегда за верными мыслями лежала достаточная проработка самого литературного материала. Конечно, в очень многом мы лишь оставались на стадии грубого приближения. Конечно, нередко мы более интересно ставили вопросы, чем содержательно, и широко их разрешали. Вот мы потому уверенно и спокойно занимались нашим делом, что знали, видели, ощущали ту почву, на которой росла наша теория. Тем были мы сильны, что теоретически осмысливали опыт пролетлитературного движения, ни на одну минуту не отрываясь от него и стараясь улавливать тенденции его развития. Мы думали и думаем, что вышкой, с которой видна дорога вперед, является не кабинет подсеминарствующего над «практиками» красного профессора и не самодовольное зазнавание недоучившихся раппоновцев (не всех, не всех!!), но гуща повседневья литературной жизни. При этом главный враг — эмпиризм, недальнозоркость, идеализация данного, успокоение на достижениях, кружковая ограниченность. Ясность большой перспективы — таково непременное условие всякой серьезной работы.

Переход к реконструктивному периоду многое повернул по иному и в литературе. Стремление к далям осталось прежнее, но кое в чем на место прозрачного воздуха пришел серый туман. Развеять его надо было резким светом самокритики, резким поворотом в соответствии с новыми требованиями нового этапа социалистического строительства, иначе говоря, — резкой перестройкой пролетарского писательства. Трудный экзамен! Он до сих пор еще не сдан. В докладе на сентябрьском пленуме я говорил, что экзамен этот ничем не легче того экзамена, который не сдала «Кузница» при переходе от эпохи военного коммунизма к нэпу. Это не было преувеличением, хотя и была ясна разница между «Кузницей», которая с определенной закономерностью выродилась в блок правого крыла пролетарских писателей с «демократически»-мещанским болотом и выразителя худших настроений мастеровщины, не могущей подняться до литературного мастерства и слабо славословящей свое комчванское гниение, — и рапповцами, этим

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

В ПОРЯДКЕ САМОКРИТИКИ

Что на литературном фронте у нас дело обстоит неблагополучно это знает каждый, кто следит за той борьбой, которая развернулась за последнее время внутри пролетарской литературы.

Неблагополучие на литературном фронте я усматриваю не в том, что за последнее время разгорелась ожесточенная борьба даже внутри пролетарской литературы. Это явление закономерное и необходимое. Неблагополучие, по моему мнению, заключается в том, что **зачастую** эта борьба идет непринципиально, как борьба между «вождями», в которой зачастую совершенно игнорируется пролетписательская масса и интересы пролетарского литературного движения.

Вопросы творческого метода, вопросы выработки подлинно-пролетарского стиля ни в коем случае нельзя разрешить одними голыми архиреволюционными наскоками, сверхнапыщенными громкими фразами и неумолимыми оргвыводами. Для решения этих сложнейших задач нужна напряженная творческая работа, нужно подлинное овладевание культурой прошлого, нужны жестокие товарищеские бои, поднятые на определенную принципиальную высоту.

Нужно признать, что напостовская группа на протяжении всей истории литературной борьбы умела нащупывать правильную принципиальную линию и вопросы умела поднимать на принципиальную высоту. (Борьба с пролеткультовщиной, с воронщиной, с троцкизмом, с нашими «левыми», с эклектикой «Кузницы» и, наконец, с Переверзевым). Чего никак нельзя сказать о большинстве товарищей, которые теперь как будто об'единились воедино и ведут открытое наступление на большинство напостовской группы и в основном на теперешнее руководство РАПП.

Для меня совершенно непонятны теплые об'ятия тов. Безыменского с Адуевым или тов. Беспалова с тов. Горбачевым. Неужели же эти товарищи на данном отрезке времени усмотрели видеть перед собой единственного врага—нынешнее руководство РАПП? Такое явление я считал бы просто недопустимым внутри пролетарской литературы.

Мне хочется сказать некоторым наивным горе-теоретикам, что никакая смена основных работников и руководства РАПП не примирит нашу организацию ни с левым интеллигентским заигрыванием с рабочей тематикой, ни с идейной родовщиной, ни с самовлюбленным комчванским спокойствием рыцарей из «Кузницы», ни с переверзианством и примиренчеством к нему.

Больше того, мне кажется, что такая воинственная настроенность в рядах даже пролетарской литературы нужна, и эту воинственность можно было бы расценивать как положительное явление в нашей действительности, если бы только и наши «левые», и «Кузница», и тт. из ИКП и Комакадемии, и, если бы, в первую очередь, руководство РАПП, внимательно относились к этим боям, переводили бы эти бои в плоскость идейно-творческих вопросов, мы работы, пока жизнь незаметно подошла к нам и дала нам оплеуху.

А что мы имели и имеем вне РАПП? Что мы имеем в нашей действительности? В нашей действительности мы имели огромный культурный рост масс, коренную ломку всех форм и общественной работы и общественной жизни, а вместе с тем и совершенно новые запросы к пролетарскому писателю со стороны этих огромных масс. В итоге всего этого мы имеем безусловно больше минусов, чем плюсов, и меня очень мало трогают все эти нападки на РАПП со стороны всевозможных писательских групп и группочек, но на меня убийственно действует то, что в такой массовой литературной организации, как РАПП, мы не видим надлежащего роста ни кадров марксистско-ленинской критики, ни роста творческого кадра, ни даже роста спаянного руководящего актива этой организации.

Наши руководящие товарищи, очевидно, не учитывают того положения, что те методы, которыми мы работали пять лет назад, в современных условиях становятся несостоятельными и что та напостовская группа, за которой шло безусловное большинство, по ее же собственной вине, безусловно может очутиться в поразительно ничтожном меньшинстве.

СОЗНАЮСЬ, ВИНОВЕН И Я!

Основную литературно-политическую линию РАПП считаю безусловно правильной.

Для меня обидно, когда я вижу, что наши руководящие товарищи в практике повседневной работы, в методах работы допускают непростительные ошибки, которые подчас уже перерастают в ошибки и литературно-политические.

Каждому известно, что внутри РАПП имеется напостовская группа. Эта группа собирается, говорит правильные речи, нащупывает правильную литературно-политическую линию РАПП, намечает генеральную линию как по творческим, так и по организационным вопросам. Эта группа в курсе всех событий, и мне кажется в этом нет никакого греха. Ведь РАПП не партия, что бы запрещать все возможные группировки внутри РАПП, например, по творческим вопросам (если только эти группы не вырастают в политически вредные группировочки и не извращают основную литературно-политическую линию), но меня поражает, почему эта группа из года в год состоит из одних и тех же лиц? Почему тот или иной принципиальный вопрос до окончательного решения, не выносится на обсуждение всей нашей организации? Почему в обсуждение принципиальных вопросов не вовлекается РАПП в целом, **снизу доверху?** И почему личные выступления того или иного, **даже самого авторитетного,** товарища выдается за линию РАПП в целом? Все эти вопросы для меня совершенно не понятны, и эти вопросы меня больше всего волнуют.

До сих пор РАПП в целом не уделял почти никакого внимания поэтическим вопросам, все шло самотеком. Наконец, т. Селивановский ставит этот вопрос в печати и ставит этот вопрос в корне неправильно. Но, как видим, т. Селивановский выступает безапелляционно и выдает свою точку зрения, свою линию по этому важнейшему вопросу за генеральную линию РАПП, а наши руководящие товарищи поддерживают его целиком, в то время как этот вопрос нужно было поставить в порядке обсуждения, и нашим руководящим товарищам нужно было настоять на этом.

А наше отношение к попутчикам, наша работа в Федерации, наши взаимоотношения с конструктивистами и ряд других вопросов,—все это важнейшие вопросы и именно имеют принципиальное значение в практике нашей повседневной работы. Но почему эти вопросы не были поставлены во всю ширь перед писательской массой РАПП? Почему наши товарищи не заслушали мнение этих писательских масс, а ведь эти массы могли внести кое-что и полезное, что могло безусловно отвести от РАПП те нападки, которые мы имеем теперь со стороны различных групп, и нечего греха таить, нападки порой имеются вполне заслуженные.

Нельзя же думать, что статья по тому или иному принципиальному вопросу, напечатанная в «На литературном посту», уже решает дело. Ведь эти статьи порой бывают совсем не убедительны и чаще всего пишутся недостаточно авторитетными товарищами, наконец, также статьи просто не доходят до рядовой писательской массы, и эта масса нередко чувствует себя в нашей организации **чужой,** чувствует себя оторванной от организации, чувствует себя просто обиженной, и по существу именно такие методы работы дезориентируют рядовую писательскую массу, делают ее пассивной. Зачастую видишь, как товарищи на все решения машут рукой. Это, по-моему, отрицательно отражается на нашей организации в целом.

Наконец, о самом журнале «На литературном посту». По-моему глубокому убеждению, руководителям журнала пора бы уже понять, что пробавляться одними Тимофеевыми, Григорьевыми да Гросман-Рощиными журналу не следовало бы. Ведь я уже сказал, что наши комвузы и вузы выпускают партийных литераторов, и нужно было привлечь эти кадры к обслуживанию пролетписательских масс через «На литературном посту».

Кроме того, я совершенно не сомневаюсь в том, что у нашей рядовой писательской массы назрела масса вопросов, которые заслуживают внимания такого журнала, как «На литературном посту», нужно только иметь малейшее желание и умение заставить говорить эту массу через печать. Правда, эта масса на первое время будет говорить не так уже научно и не в таком высоком «штиле». Но, во-первых, не все то, что чрезмерно научно и чересчур фразисто, является подлинным марксизмом, а во-вторых, такая работа журнала «На литературном посту» давала бы нам полное право надеяться на рост подлинно пролетарской марксистско-ленинской критики, в чем мы особенно нуждаемся, и в особенности теперь.

Я совершенно не отрицаю участия в «На литературном посту» и Тимофеева и Гросман-Рощина и других перечисленных критиков, конечно, не передоверяя им намечение основной линии марксистско-ленинской критики и беспощадно борясь с искривлениями этой линии.

В заключение повторяю, что для меня, как члена такой мощной массовой организации пролетарских писателей, как РАПП, совершенно не страшны нападки откуда бы они не исходили какими бы они архи-левыми фразами не прикрывались. Меня страшат лишь собственная неясность и неудовлетворенность. Меня страшат лишь те, по-моему глубокому убеждению, коренные недочеты внутри самой организации, которые мной перечислены выше, и я, как человек творчески рожденный в этой организации, целый ряд лет боровшийся за эту организацию, не имею ни малейшего основания умалчивать о тех недочетах, которые имеются в РАПП.

Я вполне понимаю, что критиковать гораздо легче, чем перестроить в корне работу такой огромной и сложнейшей организации, как РАПП, но я говорю это со всей ответственностью и не малую долю вины беру на себя.

МИХ. ЮРИН

СТАТЬЯ ЧЛЕНА ПРАВЛЕНИЯ ВОАПП ТОВ. М. ЮРИНА ПЕЧАТАЕТСЯ В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ

ГОЛОСУЮ ПРОТИВ!

«Рождения героя» тов. Либединского—плохой роман. Ни по творческому методу, ни по существу его, этого романа я не приемлю. Считаю его глубоко беспартийным, сплошь надуманным и ничем иным, как авторским самокопанием. За «Рождение героя» я не голосовал и голосовать не буду, и напрасно тов. Добин убеждает нас в том, что «Рождение героя» **«утверждает столбовой творческий метод** пролетарской литературы».

Кроме того, для меня лично ни творческий метод Эрдберга, который тов. Зонин на страницах «Правды» пытался утверждать как подлинно пролетарский метод, ни творческий метод тов. Безыменского не являлись и не являются теперь методами, ведущими пролетарскую литературу, методами, определяющими генеральную линию пролетарской литературы, точно так же, как и методы тов. Либединского и даже тов. Фадеева не могут претендовать на «генеральство» в пролетарской литературе.

Для меня ясно одно, что и творческий метод тов. Либединского и творческий метод тов. Безыменского или тов. Панферова и Эрдберга находятся внутри пролетарской литературы, что каждый из этих методов имеет и свои положительные и свои отрицательные качества и что, наконец, все они нащупывают единую и единственно-правильную линию стилевого метода пролетарской литературы. Для меня также совершенно ясно, что представители всех перечисленных творческих методов должны и будут драться на одной стороне баррикад за единую литературно-политическую линию.

Партия допускала и будет допускать соревнование творческих методов внутри пролетарской литературы, и заработать гегемонию пролетарская литература может именно в условиях развернутого соревнования творческих методов, а не в условиях генеральства одного метода над другим. Конечно, на практическом выражении того или иного метода мы со всей ясностью можем видеть ошибки того или другого метода, и нам нужно иметь мужество со всей откровенностью, по-большевистски, признавать те или иные ошибки, и только при этих условиях мы можем надеяться, что пролетарская литература сумеет в исторически-минимальные сроки завоевать подлинную гегемонию.

КАК НАЗРЕВАЛ КОНФЛИКТ

Те огромные сдвиги, которые мы наблюдаем теперь и вне и внутри РАПП, не случайны, и эти сдвиги нельзя об'яснять только лишь кризисом роста, как пытаются об'яснять многие. Выезжать на одном кризисе роста—это значит замазывать свои ошибки. А ошибки у руководства РАПП были и имеются теперь.

Наша организация складывалась в боях с явными противниками, исторически шла безусловно по правильному пути, и в период непосредственного открытого боя с явным противником и наше руководство и наша организация в целом были незаменимым оружием партии не идеологическом фронте. Но вот жизнь перевернула все кверху дном, и то оружие и те методы, которыми мы пользовались до сих пор, стали непригодными в нашей борьбе.

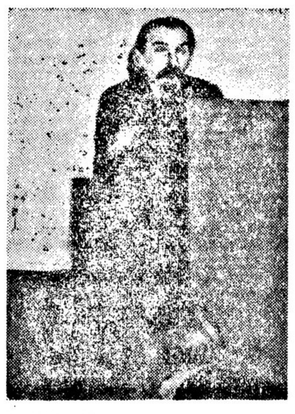
Какое положение мы имели за последние два года внутри РАПП? Что нашими руководящими товарищами проделано с пролетписательской массой в смысле подготовки ее к предстоящим ожесточеннейшим боям? На эти вопросы нужно прямо ответить, что проделано слишком мало, если не сказать большего.

За эти два года на наших кружках собирались в большинстве своем случайные молодые люди и барышни, зачитывались на каждом собрании первые попавшиеся под руку стихи и рассказы, по целым вечерам пряла молодежь и неудовлетворенной уходила с кружка. Мы писали циркулярные письма, рассылали их по местным организациям, разбирали конфликты местных организаций, выносили мудрые решения, созывали конференции, подолгу говорили на этих конференциях умные речи, а что делается вокруг нас—мы очень часто не замечали. Как растет писатель, куда он растет и растет ли он вообще—эти вопросы зачастую нами игнорировались. Словом, мы самодовольно заседали и крепко держались за старые фор-

С'ЕЗД КРЕСТЬЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ УКРАИНЫ

ИТОГИ

Еще на пленуме «Плуга» в январе с. г. произведена чистка. В «Плуге» оставлено было 47 товарищей, с ними началась подготовка к с'езду. Был разработан проект нового устава и произошло переименование из «Союза крестьянских писателей» в «Союз пролетарско-крестьянских писателей». Этим «Плуг» подчеркивал направленность своей работы и организационную базу организации. Тесно связался с «Плугом» писательский молодняк, вышедший из сельскохозяйственного пролетариата и группирующейся около журнала «Трактор», органа профсоюза «Сельхозлесрабочих», вошли в «Плуг» немецкие товарищи, создавши в «Плуге» немецкую секцию и выпустив к с'езду «Плуга» свой журнал «Sturmschit».



НАРКОМ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ УССР ТОВ. СКРЫПНИК ДЕЛАЕТ ДОКЛАД НА С'ЕЗДЕ.

Вопросы социалистической реконструкции сельского хозяйства, вопросы стиля, творческого метода, критической оценки сделанного, перспективы дальнейшей работы — вот что ставилось на обсуждение пятого с'езда «Плуга», происходившего в начале мая.

Творческий багаж, с которым пришли на с'езд 47 плужан, довольно значителен. Он фигурировал на выставке, организованной во время с'езда. 250 книг с тиражем в два с половиной миллиона. Из этого числа — 50 книг с миллионным тиражем за последние четыре месяца. Вот иллюстрация под'ема и темпов литературной организации. Для иллюстрации качества этой продукции можно привести тот факт, что в списке рекомендованной Наркомпросом УССР художественной литературы на темы социалистической реконструкции, продукция «Плуга» занимала 75 проц.

С'езд «Плуга» длился 6 дней (с 6 по 12 мая). Кроме плужан, немецкой секции «Плуга», литгруппы «Трактор» на с'езд прибыли представители наиболее крупных коммун, колхозов и совхозов.

Приняли также участие в с'езде представители ФОСП, Богданов, А., ВОКП, Замойский, Васильев, Ревякин, Холмин и Белаппа.

С'езд заслушал доклады Наркомзема УССР тов. **Демченко** и т. **Кулика** (члены ВЦСПН'а).

Тов. **Демченко** остановился на роли писателя в деле коллективизации и социалистической реконструкции села. Тов. **И. Кулик** зачитал доклад «Социалистическая реконструкция села в украинской литературе», рассматривая в нем продукцию плужан и других писателей. Выводы тов. Кулика: при довольно значительном количестве литературы, освещающей социалистическую реконструкцию села, главным образом, принадлежащей перу плужан, при довольно высоком ее качестве, не достает конкретного показа коллектива, в его будничной работе с бытовыми особенностями, с новыми социальными взаимоотношениями. (Первые опыты в этом отношении т. Кулик видит в повести «Трактор» Хуторского и в очерках Д. Гуменной, в последних рассказах В. Алешка).

Вопросам самокритики, творческого метода и стиля был посвящен ряд докладов. Их дала молодая еще критическая секция «Плуга», давши анализ творчества плужан по таким рубрикам: **В. Заяц**—«Повесть и роман плужан», **т. Ярмоленко** — «Новела», **Ю. Савченко** — «Поэтическая продукция плужан», **А. Панов** — «Художественный очерк», **Д. Грудына** — «Драматургия». Эти доклады были подытожены общетеоретическим докладом **Ю. Лавриненко** о современном положении проблемы стиля и о стилевых и жанровых исканиях «Плуга».

Основной и характерной чертой как докладов, так и прений была жесткая самокритика. Сознавая всю ответственность задач, которые ложатся на плужан, как на активных участников гигантской перестройки села на социалистических основах, плужане не боялись раскрывать свои слабые места и беспощадно бить по всем промахам и ошибкам. Ответом на некоторые недоуменные вопросы о чрезмерной суровости этой самокритики было то, что творческий коллектив «Плуга» настолько сейчас крепок и тесно спаян многолетней совместной товарищеской работой, что ему не страшна ни суровая критика, ни самокритика.

В своих резолюциях по этим докладам с'езд констатирует, что плужане своевременно перестроили свою работу, в соответствии с задачами реконструктивного периода. Пролетарско-крестьянские писатели уже отображают реконструктивные процессы на селе, хотя все же плужане, как и вся советская литература, отстают от темпов социалистического строительства.

Литература реконструктивного периода,—говорится дальше в резолюциях,—должна показывать классового человека в его действиях, в производственных процессах. Не ограничиваясь художественным показом психологического мира людей, их быта, их сознания (все это нужно, но недостаточно) писатель должен в своем творчестве спускаться к базе, к производственным процессам, определяющим изменение быта, психики, сознания.

С'езд считает, что наиболее отвечает поставленным задачам производственно-социалистический жанр, имеющий такие признаки: 1) Художественный показ общественного человека в производственных, реконструктивных и социальных процессах, в процессе классовой борьбы. 2) Стержневым образом является коллектив, об'единенный в революционно-созидательном порыве, перестраивающий на наших глазах старое село. Этот образ пребывает в постоянной динамике классовой борьбы, в постоянной диалектике и отобразить эту диалектику образа как результат классовой борьбы и есть основная задача писателя. 3) Сюжетная контроверса строится не на борьбе индивидуальных героев за свои индивидуалистические интересы, а на борьбе классов и классовых прослоек, где отдельные личности являются только выразителями классовых интересов своей группы. «Тракторы» Хуторского «Зилізний кінь» Добровольского, «Гігант» его же, «Зелена фабрика» Вільхового и наконец «В степах» Божка—есть первые опыты (иногда не совсем удачные) этого жанра.

Это не значит, что другие жанры (психологический, бытовой, публицистический) «Плуг» отбрасывает. Нет. Но в производственно-социалистическом жанре можно наилучше отобразить всю глубину и конкретную сложность реконструктивных процессов.

Упорную работу над выработкой творческого метода, который конкретизируется в стиле — одно из самых важных залач писателя. Диалектико-материалистический подход к действительности, глубокое понимание конкретного разнообразия и своеобразия общественных явлений каждого периода, умение схватить основную тенденцию процесса — вот основные штрихи творческого метода «Плуга».

Широкое диалектико-материалистическое мировоззрение писателя и глубокое понимание политических задач — вот философская база для творческого метода писателя. Диалектико-материалистическое мировоззрение застрахует писателя от того догматизма и пережитков народнического идеализма, что в значительной дозе встречается еще в творчестве многих советских писателей, в том числе и у плужан...

И в докладах, и прениях много внимания уделялось вопросам стиля. Пролетарский стиль в искусстве пребывает еще в стадии становления. Процесс происходит и будет происходить в форме непримиримой борьбы с механическим перенесением стилей и художественных методов буржуазной литературы на пролетарско-крестьянскую (борьба с примитивным натурализмом, с наивным реализмом, с остатками «просвітянського» буржуазного романтизма, характерного отрывом от актуальных задач классовой действительности, и т. д.). Процесс созидания стиля требует критического изучения буржуазного художественного наследства, художественных исканий и экспериментов, теоретично осознанных и усвоенных на основе диалектического материализма и конкретного участия писателя в социалистическом строительстве.

А. ПАНОВ

ХРОНИКА С'ЕЗДА

Пятый Всеукраинский с'езд об'единения рабоче-крестьянских писателей Украины «Плуг» 11 мая закончил свою работу.

С'езд избрал центральное бюро в составе: С. Пилипенка, А. Панова, В. Штангея, А. Головка, В. Гжицкого С. Божка, Ю. Савченка, Д. Грудыны, И. Батрака (представитель ВОКП), т. Романовского (представитель ВУК сельхозлесрабочих), тов. Фихтнера (нем. секция), Бойко («Трактор»), кандидаты: С. Добровольский, В. Алешко, Будяк, Д. Косарик-Коваленко, Чмиль, Богданов (ВОКП), Замойский (ВОКП), Люфт (немецкая секция), Краскин (совхоз № 20).

ДЕЛЕГАТЫ С'ЕЗДА ОСМАТРИВАЮТ НА ВЫСТАВКЕ ВИТРИНУ ЛИТГРУППЫ «ТРАКТОР».

Избрана редколлегия журнала «Плуг»: С. Пилипенко, А. Головко, А. Панов, В. Штангей, В. Нефелин, А. Гавриленко, Ю. Савченко.

С'езд принял шефство над совхозом № 20 на Запорожье. В совхоз этот выехала бригада писателей-плужан вместе с гостем тов. Богдановым. Бригада заедет также на Днепрострой.

С'езд с удовлетворением отметил связь между ВОКП и «Плугом» и поручил центральному бюро эту связь поддерживать, а также в дальнейшей работе возбудить вопрос о **всесоюзном об'единении пролетарско-крестьянских писателей всех народов СССР.**

Наиболее острым моментом с'езда явилась **дискуссия вокруг вопроса о стиле пролетарской литературы.** Выступавший с докладом представитель ЦК КП(б)У т. **Хвиля** подчеркнул, что партия никогда не вылавала «мандата на непогрешимое» какому-либо из методов художественного творчества. Право каждого писателя выбирать стиль, позволяющий дать наиболее высокую и политически действенную художественную продукцию. Необходимо бороться за большевистскую критику, за критику, стоящую выше групповых интересов.

Наркомпрос УССР т. **Скрыпник** подробно остановился на борьбе различных художественных направлений.

По докладам принят ряд резолюций, которые будут опубликованы отдельной брошюрой и кроме того в журнале «Плуг».

Выставка с'езда, иллюстрирующая в многочисленных экспонатах работу пролетарско-крестьянских писателей Украины за 8 лет, передается Институту имени Тараса Шевченко.

После с'езда писатели раз'езжаются по селам, коммунам, коллективам, совхозам, чтобы творческой продукцией осуществить постановление с'езда. Организовалась ударная бригада очеркистов, которая решила дать книгу художественных очерков о коллективизации. Литгруппа «Трактор» вызвала писателей А. Головка, С. Божка, А. Панова, П. Хуторского, С. Пилипенка, С. Добровольского на соцсоревнование.

ПО ЛИТЕРАТУРНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ

ПИСАТЕЛИ В КОЛХОЗАХ. ИТОГИ ПОЕЗДОК.

Секретариат ФОСП заслушал доклад о результатах поездок писателей в колхозы и совхозы, организованные через Хлебоцентр, Животноводсоюз и т. д. Констатировав большую работу, проделанную ФОСП в области организации писательских бригад, секретариат Федерации постановил продолжать и в дальнейшем посылку писателей в колхозы, совхозы и на производство.

22 мая в орготделе Хлебоцентра (Тверская 1/21) состоится совещание, посвященное итогам поездок писателей в колхозы, с участием приехавших писателей. На это совещание вызываются писатели: тт. **Ассанов, Бурмантов, Галяу, Гудков, Грушков, Ряховский, Туган-Барановский, Чекменев, Нагаев, Панов, Лавров** и др., ездившие в колхозы. Совещание начнется в 10 ч. утра.

МАССОВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ

В первомайские дни в 25 московских театрах выступили со своими произведениями **42 писателя.**

Массовый зритель тепло встречал советских писателей.

Центральная первомайская комиссия передала Федерации писателей и организатору выступлений Месткому писателей свою благодарность. Правление месткома постановило вынести товарищескую признательность всем писателям, выступавшим в театрах и с агитавтомобилей.

СРЕДИ ПИСАТЕЛЕЙ НАЦМЕНЬШИНСТВ

На-днях в Доме Печати состоялась товарищеская встреча писателей-националов. С чтением белорусских, тюркских, таджикских, татарских, армянских, украинских, башкирских, лезгинских произведений выступил ряд писателей-националов и переводчиков с языков нацменьшинств: тт. Шукайло, Коляда, Галяу, Хацкевич, Гатов, Богаевский и Чачиков. Выступавшими читались не только собственные произведения, но и вещи, принадлежащие перу других писателей.

Большим успехом пользовались у аудитории зачитанные т. Шукайло **отрывки из поэм Янка Купалы,** в переводе Семена Кирсанова. Собрание решило отправить Янку Купале поздравительную телеграмму по случаю исполняющегося 25-летнего юбилея его литературной деятельности.

ЛИТБРИГАДА ВОКП.

— Литбригада ВОКП, выехавшая по Севкраю вместе с местными писателями, организовала ряд выступлений с докладами о крестьянской литературе.

Были организованы 2 вечера в Ростове у печатников и металлистов, 2 литвечера в станице Богаевской, Ставрополе и Майкопе. Вечера прошли с большим успехом, что было отмечено местной печатью.

Тт. Беккер, Тверяк, Ковынов, выехавшие в ЦЧО, организовали в Воронеже 4 литвечера, поездку в колхоз Ямное, отредактировали 3 литстраницы для газет «Коммуна», «Молодо ікоммунар» и «Новая деревня».

Кроме того, они проводили беседы с начинающими писателями.

Проездом через Кинешму участники литбригады ВОКП тт. Демидов и Шишкевич сделали несколько литературных выступлений на текстильных предприятиях Кинешемского района, Иваново-Вознесенской области. Имя же

ПЕРЕВЕРЗЕВСКАЯ ДИСКУССИЯ НА УКРАИНЕ

Во Всеукраинской академии наук в Киеве 7 мая состоялся **общий пленум комиссии литературы и искусства и философской секции кафедры марксизма-ленинизма.**

Пленум заслушал доклад представителя Коммунистической Академии **т. Зонина** «О концепции и историко-литературных работах В. Ф. Переверзева».

Большинство выступавших в прениях солидаризировались с основными положениями доклада. Однако некоторая приверженность к системе взглядов В. Ф. Переверзева нашла выражение в выступлении киевского литературоведа **т. Перлина,** который выразил сожаление по поводу того, что докладчик не остановился на положительном значении работ Переверзева.

В заключительном слове докладчик вскрыл **связь между теорией А. Воронского и литературоведческой концепцией В. Ф. Переверзева.**

ПИСАТЕЛИ ОБ ИЗДАТЕЛЬСКОМ КОНЦЕРНЕ

На собрании актива всероссийского союза советских писателей, в котором принимали участие свыше 60 писателей, **был обсужден вопрос о предстоящей организации издательского концерна.** Вопрос вызвал весьма оживленные прения. Собранием принято особое постановление, которое по предложению актива будет внесено на обсуждение Федерации Об'единения Советских Писателей.

Постановление актива писателей гласит следующее:

В связи с намеченной организацией издательского концерна, согласно постановлению Совнаркома РСФСР, собрание актива Всероссийского Союза Советских Писателей считает необходимым, чтобы правление Союза поставило как перед Исполбюро и Советом ФОСП, так и перед органами, разрабатывающими вопрос о концерне, следующие задачи:

I. Организация концерна не должна принимать характера монополизации редакционной работы каким-либо из образующих концерн издательств. Напротив, актив ВССП считает необходимым сохранение редакционной автономии отдельных издательств, проводящих свою общественную программу в области художественной литературы и критики.

II. Поскольку организация концерна может усилить существующий отрыв издательств от писателей, актив ВССП считает необходимым организационно обеспечить теснейшую связь писателей **с издательствами, входящими в концерн,** путем следующих мероприятий: а) широко провести представительство писателей в редакционных советах издательств; б) обязать издательства организовывать регулярные производственные совещания с писательским активом по составлению и выполнению редакционных планов издательств; в) обязать издательства привлекать писателей к проработке промфинплана и к периодическому контролю над его выполнением.

III. Ввиду того, что при организации концерна усиливается специфическое значение товаропроводящей сети, писатели должны привлекаться к непосредственной работе по проверке методов распространения книги.

IV. Актив ВССП считает недопустимым включение в концерн наряду с государственными издательствами, издательств общественных.

Вместе с тем актив ВССП обращает внимание на то, что размеры продукции общественного издательства ФОСП—«Федерация», явно остают от реальных потребностей писательства. Поэтому актив настаивает на том, чтобы издательские возможности «Федерации» были значительно расширены путем: а) увеличения оборотных средств; б) увеличения общего листажа, и соответствующего увеличения нормы отпуска бумаги.

V. Считать необходимым при дальнейшей разработке вопроса о создании концерна привлечь представителей **писательских общественных организаций.**

ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

РЕЦЕДИВЫ СЕКТАНТСТВА

«Компартия левее всех партий, какие знает мир». (Ленин).

Центральный орган партии «Правда» в статье т 4 декабря 1929 г. призывала к консолидации коммунистических сил пролетарской литературы, «сплотить **все коммунистические** силы и сомкнутыми рядами, базируясь на основной пролетарской организации (ВОАПП), и через нее итти вперед к разрешению огромных задач, стоящих перед партией на литературном фронте». Но, оказывается, элементы кружковщины, о которых говорила вышеупомянутая статья центрального органа, продолжают жить в недрах рапповского руководства. В № 8 «На литпосту» в «Напостовском дневнике», т. е. там, где печатается редакционный материал, помещена статья т. Селивановского, в которой он **по-своему** истолковывает принципы «консолидации коммунистических сил». В этой статье т. Селивановский лишний раз иллюстрирует верность положений, выдвинутых т. Безыменским в своей статье «Головокружение от не успехов» («Литгазета» № 19), что некоторые налитпостовцы хотят превратить РАПП в литературную партию со всеми вытекающими отсюда организационными последствиями (выговоры, исключения за легкомыслие и т. д.).

Но т. Селивановский идет еще дальше. Он ставит РАПП и налитпостовское руководство **выше** партии и ее литературной политики. По Селивановскому выходит, что партия требует от коммунистов, работающих на литературном фронте, определенный «литературно-политический **минимум».** Но этот минимум —вещает привратник врат РАПП—недостаточен для вступления в РАПП, ибо «партийный минимум расширяется до рапповского максимума». С точки зрения Селивановского и достойные члены ВКП(б),—а достойными мы называем таких, которые проводят правильную литературно-политическую линию,—не достойны быть в РАПП.

Партия готовит партийные кадры для пролетарского литературного движения. Думаю, что и т. Селивановский согласится, что, например, литературное отделение ИКП не призвано готовить кадры для «Перевала». Для поступления в ИКП, как известно, необходимы определенные партийные данные. Поступление в ИКП регулируется особой мандатной комиссией ЦК партии. Оказывается, что это все же недостаточно для поступления в РАПП, что кроме «партийного минимума» необходим еще особый «рапповский максимум», необходимо пройти особое напостовское «чистилище» и вдобавок прозябать потом в РАПП на правах «зайцев», по удачному выражению т. Кострова.

Наконец, т. Селивановский сделал еще одно интересное признание. Оказывается, что налитпостовцы имеют «внутреннее попутничество» в лице **писателей слова,** но налитпостовцы не хотят иметь в РАПП якобы идеологов этого «внутреннего попутничества», т.-е., попросту говоря, критиков-коммунистов, не стоящих на точке зрения «действительно неверного лозунга «живого гармонического человека» в литературе» («Правда»). На практике это означает, что в РАПП могут быть Шолоховы и другие далеко не пролетарские писатели, но вход в РАПП закрыт **критикам-коммунистам,** не желающим коленопреклониться перед творческой платформой одной рапповской группы, держащей теперь в своих руках руководство.

Надо открыто сказать, что «консолидация коммунистических сил» РАПП не выполнена. За последнее время больше исключили—и еще продолжают исключать—чем принимали. Призыв центрального органа не был выполнен. «Консолидация», о которой говорит «Налитпосту»,—один блеф.

Что директивы партии не смогут быть выполнены до тех пор, пока бывший «воронщик» т. Селивановский не перестанет заниматься сектантской политикой и теоретическим оправданием этого сектантства, пока не прекратятся разговоры о том, что РАПП—это литературная партия или сверхпартия, которая через голову ВКП(б) и вопреки ее будет творить суд и расправу над коммунистами, вина которых лишь в том, что они выстаскиваются в партийной печати против идеологов «непосредственных впечатлений», т.-е. против людей зараженных воронщиной.

Селивановскому следует хорошо запомнить, что РАПП не может быть левее ВКП(б), что «напостовство» не заменяет собою большевизм и что коммунисты, посланные партией на литературный фронт и проводящее там партийную линию, могут и должны быть в РАПП, притом не на правах «второразрядных» членов.

Сектантство вредно во всяком общественном движении. Но еще более оно вредно в литературном движении. Нельзя воспитать литературные кадры капральскими окриками, командованием и чванливо горделивым заявлением, что РАПП отказал в приеме многим коммунистам-литературоведам из ИКП и РАПП. Это методы не из большевистского арсенала, от них нужно отказаться, и чем скорее, тем лучше и здоровее будет для пролетарского литературного движения.

Мы решительно протестуем против основной формулы т. Селивановского: «РАПП (и ВОАПП) является основной писательской организацией, на которую опирается партия. Но **специфичность** положения состоит в том, что эта основная организация, работающая под руководством партии, призвана быть партийной разведкой на литературном фронте». Нет, т. Селивановский, никогда партия не делала и не сделает **«партийной разведкой»** массовую беспартийную организацию. РАПП является «школой коммунизма», а «партийную разведку», т.-е. теоретические и практические поиски коммунистической разработки, коммунистического разрешения вопросов литературы принадлежат не РАПП (которую и сам Селивановский не считает монопольной организацией), а всем большевикам в литературе, всем коммунистам, которые работают на основе генеральной линии партии и не отступают ни на шаг от марксо-ленинской теории. Мы смеем думать, что эти кадры во всяком случае не исчерпываются группой «На литпосту», неправильно отождествляющей себя с РАПП.

М. БОЧАЧЕР

Редакция убеждена, что политическая ошибка т. Селивановского не разделяется редакцией «На литпосту» и будет ею исправлена.

НА ВЕЧЕРАХ ПАМЯТИ МАЯКОВСКОГО

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ МАЯКОВСКИЙ

ДОКЛАД В КОМАКАДЕМИИ

Проследить творческий путь Маяковского от первых шагов поэта до первых ударов Октября—такую задачу поставил перед собой т. Бескин, выступивший на днях с докладом в Комакадемии.—Основной тон, который окрашивает все творчество Маяковского, и ощущается уже в самых ранних его произведениях,—сказал тов. Бескин,—это—отвращение, презрение, наконец ненависть к буржуазному обществу, к его государственному и бытовому укладу. Вначале это отношение поэта к действительности ставит его на позицию эпатирования буржуазии, проявляется даже в своего рода универсом раздражении, и не постигается выше критики внешних отвратительных черт буржуазного общества. Синтетический портрет господствующего класса дается поэтом в самых отвратительных чертах. Это—некое существо, «неведомое ни на суше, ни в пучинах вод», которое «старательно работает над телячьей ножкой» и у которого только «колышатся спадающие на плечи жирные складки лоснящихся щек». Это—«сытые морды» тех, гибели которых уже жаждет поэт, хотя он еще и не знает, откуда гибель придет и кто будет могильщиком угнетателей.

Из года в год отвращение и протест укрепляются в сознание поэта. Они принимают форму анархического бунта, в котором Маяковский выступает как представитель люмпен-пролетариата, как вожак и заступник тех, кого общество бросает на дно.

Он не осознает ни тех причин, которые приводят к деклассации некоторые слои городского населения, он еще не может вскрыть причин, обусловливающих отвратительный облик современного общества, он еще не видит, наконец, и людей, в ряды которых он должен стать, чтобы успешно бороться с ненавидимыми им «жирными». Но он уже способен к более широким обобщениям, которые находят свою поэтическую форму в «Гимнах», написанных в 1913 году. 1913 год—переломный в творчестве поэта. Здесь Маяковский обрушивается на буржуазное право, олицетворяемое им в «унылых судьях», «злобно забившихся под своды законов», на буржуазную науку, которой «не нужно, что растет человек глуп и покорен», на отталкивающую сытость и благополучие угнетателей.

Наконец: бунтарские настроения Маяковского переплескиваются через критику отдельных установлений буржуазного общества и возвышаются уже до протеста против всей **системы капитализма** в его «человеке». В буржуазном государстве человек задавлен, человек беспомощен, человек унижен. У него «на мозгах верхом закон, на сердце—цепь: религия». Поэт уже скептически относится ко всяким половинчатым реформам, ко всякому либеральничанию, которым любила кокетничать буржуазная интеллигенция. Доллар, золото, капитализм—вот корень и причина, с которыми надо бороться. Здесь революционность Маяковского уже приобретает вполне ощутимые формы.

Характерно, что для дореволюционного Маяковского город, столь воспевавшийся западными футуристами, представляется чем-то отвратительным и нелепым. Глупый предрассудок считать, что Маяковский—певец города. Он ненавидит улицы, провалившиеся, как нос сифилитиков, автомобили, для которых он не находит иного образа, как «рыжие дьяволы», он призывает: «Бросьте города, глупые люди!» Свое завершение его ненависть к буржуазному городу получает в трагедии «Владимир Маяковский», этом по-гофмански мрачном произведении, где Маяковский пользуется даже Бодлеровскими тонами, чтобы изобразить всю кунсткамеру кошмаров, которую он находит в капиталистическом городе. И только после революции поэт находит слова для положительного описания города уже пролетарского государства. Недальновидные критики вроде Полонского, а вслед за ним и Шенгели, обвиняют Маяковского, пресловутом «ячестве», в том, что центром всего мира он видел самого себя, и никак не пытаются об'яснить это обстоятельство. Между тем «ячество» Маяковского становится нам совершенно понятным, если мы примем во внимание, что Маяковский был од

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНЫХ ПОСОБИЙ

Г. ШЕНГЕЛИ. «КАК ПИСАТЬ СТАТЬИ, СТИХИ И РАССКАЗЫ». РАБОТА КЛАССИКОВ НАД ПРОЗОЙ. ИЗДАНИЕ «КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ». КАК И НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПИСАТЕЛИ. ИЗДАНИЕ «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ». Ф. ИЛЬИНСКИЙ. «ПОСТРОЙКА ПЬЕСЫ». ТЕАКИНОПЕЧАТЬ. А. БОРОДИН. «КАК ПИСАТЬ ПЬЕСУ». ТЕАКИНОПЕЧАТЬ.

За малыми исключениями, литературные пособия трактуют проблемы творчества **узко-технологически.** Вопросы писательской работы насильственно отрываются от вопросов **общей культуры и мировоззрения художника.** Отсюда бьющий в глаза **утилитаризм,** подчас цинично обнаженный; литературу преподают как «сапожное ремесло», игнорируя ее сложную специфичность.

Все эти недостатки характеризуют книгу Шенгели. Рассуждения Шенгели находятся на низком идейном и теоретическом уровне. Литература рассматривается им как неподвижный в своей основе процесс. Словарь дается как что-то застывшее, незыблемое.

Характерно, что в разделе о стихах не учтены новые достижения и завоевания поэзии. О попытке стандартизирования литературного процесса говорит такой совет:

«Крестьянина в бытовом рассказе удобнее называть фамилией, происходящей от собственного имени. Например, Матвеев, Потапов, у попа будет фамилия в роде Преображенский, купец будет Завалишин» и т. д.

Враждебная марксистскому отношению к литературному творчеству книжка Шенгели должна быть из'ята из обихода начинающих писателей.

Крайский не ограничивается статическим обозначением тех или иных приемов работы художника. Он говорит о мировоззрении художника, о его темах, литературных направлениях, социальной функции искусства и многом другом. Но в своей учебно-теоретической части книга Крайского не представляет ничего нового и оригинального. Повторяются общеизвестные истины о словаре, метрах и др. элементах художественного творчества. Отдельные формулировки поверхностны. Например: «Произведения, передающие действительные события так, как они были на самом деле, носят название натуралистических».

В связи с выпусками Крайского, следует отметить книгу «Работа классиков над прозой», изданную студией «Резца».

В книге даны статьи о работе над прозой Пушкина, Толстого, Горького, Чехова и Золя.

Большинство статей отмечено печатью техницизма. Выбор слов, являющийся важным моментом в работе художника над формой, рассматривается, главным образом, как результат приспособления писателя к интересам и запросам своего читателя.

Отсутствие такой линии исследования, которая выявила бы связь между мировоззрением художника и его работой над словом, обрекает наших авторов на узколобый формализм.

Следует еще остановиться на сборнике «Как и над чем работать писателю», представляющем механическое соединение статей различных авторов.

Статья Воронского «Об искусстве писателя» посвящена вопросу о взаимоотношении между техникой и интуицией.

Воронский несомненно в этой статье, как и во всех своих работах, находится под влиянием бергсонизма. Любопытна статья Вересаева, отвечающая на вопрос: «Что нужно для того, чтобы быть писателем». Лейтмотив статьи выражается словами Вересаева: «Нужно быть самим собою, нужно быть правдивым и искренним, нужно развиваться, расти нравственно, нужно уметь видеть и слышать».

Ни чем иным, как эстетством, является следующее утверждение:

«Как птица в блаженной свободе бессознательного влечения, должен художник выражать то, чем полна его душа, не задаваясь вопросами, что такое поэзия, каковы ее задачи».

В. Вересаев неожиданно перекликается с Переверзевым, когда пишет:

«Если он (поэто, **М. Б.**) действительно пролетарий, если у него действительно пролетарское жизнеотношение, то оно само скажется в его произведениях, только бы художник умел быть самим собой».

Резко противоположна статье. Вересаева статья Маяковского. На примере собственной поэтической работы Маяковский показывает степень сознательного своего отношения к работе над словом. Статья уничтожает выводы Воронского и Вересаева о преобладании в творчестве художника стихийного, суб'ективного так называемого «подсознательного».

Полезна статья Асеева, посвященная сюжету. Характерной особенностью сюжета Асеев считает перенесение героя из одной обстановки в другую. При чем «перенесение» сопровождается рядом противоречий внешнего и внутреннего характера. Эти свои мысли (отнюдь не новые, конечно) Асеев иллюстрирует рядом ярких примеров.

Из книг, посвященных стиху, заслуживает быть отмеченной работа С. Малахова.

Малахов чужд вульгарного практицизма. Говоря о тех или иных способах построения стихотворного произведения, Малахов оговаривает относительность этих способов и полную их зависимость от условий того стиля, в пределах которого они возникают.

Плохо обстоит с пособиями по теории драмы.

Имея некоторую положительную ценность в своей теоретической части, книжка Ф. Ильинского грешит рядом неправильных формулировок, дающих начинающим ложную идеологическую и теоретическую установку.

Например, говоря о темах, Ф. Ильинский «советует»:

«Больше всего разбросано тем по вагонам, по чайным, по завалинкам. В дороге люди бывают особенно разговорчивы и интересны. То, что они сошли со своего обывательского насиженного гнезда, то, что кругом такие же, как они, добродушно настроенные незнакомцы, делает их очень интересными собеседниками для наблюдений писателя. Также люди, отдыхающие за разговорчиком в чайнушке или на завалинке, представляют наиценнейший материал, как для драматурга как в выборе темы, так и сюжета».

Такие обывательские советы имеют глубоко реакционный смысл, когда работа писателя протекает под знаком активного участия в социалистическом строительстве.

Отдельные формулировки смехотворны и безграмотны.

«Фабула тот же сюжет, только более развитый: тех же щей да погуще влей».

Достоинство книги Бородина в том, что она учитывает запросы начинающих драматургов и останавливается на характерных ошибках и промахах, которые они допускают в своей работе. Но, в основном, эта книжка проникнута тем же «спецовским» душком.

Сказанное приводит нас к малоутешительному выводу: хороших пособий, целиком удовлетворяющих задачам воспитания начинающего молодняка, нет. Вновь и вновь встает вопрос о создании такого пособия или целой серии книг, которые могли бы оказать существенную поддержку начинающему в его учебно-творческой работе. Надо думать, что возникающий журнал «Литературная учеба» частично восполнит пробел, имеющийся в этом отношении.

МИХ. БЕККЕР

ЗА ДОБРОСОВЕСТНУЮ КРИТИКУ

ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

В № 13 «Литературной Газеты», А. Бек в статье «Тройное безобразие» выступил с обвинением меня в 1001 смертном грехе. В результате, в глазах общественного мнения я вырисовался как некая мрачная адова тень и нечистоплотный халтурщик-приспособленец и обыватель, находящийся под буржуазно-кулацким влиянием. **Действительно, мою вину я безоговорочно сейчас признаю, но разрешите сразу же с омерзением откинуть кулацкую одежду, которую напялил на меня А. Бек.** Начну с факта помещения «Субботника» в трех изданиях.

Мне думается, что **желание автора напечатать переделанное** и отделанное (куда значительней, чем это утверждает т. Бек) стихотворение, поспешно напечатанное раньше в недоработанном виде— **вполне законно.** Нам «начинающим» еще людям без «имени» чаще всего приходится узнавать о том, что стихотворение идет в печать, в последнюю минуту, и если стихотворение уже заверстано, то обратно его при всем желании не возьмешь. Имено так и произошло в данном случае с помещением стихотворения. «Субботник» в журналах «Земля Советская» и «Пламя» [1]). **Помещение же «Субботника» в недоработанном виде в «Комсомольской Правде»** я рассматриваю не только как **поспешность, но и как проявление недостаточной выучки.** Но, разумеется, факт остается фактом — стихотворение напечатано в трех местах, и **я, признавая справедливость гнева т. Бека, обрушившегося на меня, должен сказать, что в дальнейшем буду всячески предотвращать подобные случаи.**

Конечно, прав т. Бек и в оценке того места, где говорится: «Он не вернется, не воскреснет с цыгротным этом двадцатый год». Это место, особенно выраженное из общего контекста, безусловно может быть истолковано как кулацкий лозунг, и по нему следовало ударить со всей силой, как по политически враждебному лозунгу. Общественный приговор этому я безоговорочно признаю абсолютно правильным.

Но в оценке меня и, в частности, моего отношения к революционному двадцатому году т. Бек абсолютно неправ.

Если бы А. Бек не торопился, а внимательно отнесся к общему тону, к общему контексту стихотворения «Субботник», если бы он потрудился познакомиться с остальным моим творчеством, то он воочию убедился бы, что его оценка меня по этому образу прямо противоположна действительности. **Тов. Бек при самом скрупулезном разборе всех остальных моих произведений не найдет и тени буржуазно-кулацкого влияния, отголоска слов недорезанных буржуев: «это вам не восемнадцатый год». А вот опровержение своему утверждению, что я не приемлю двадцатый год, что у поэта не нашлось другого образа для двадцатого года, кроме цыгротного рта, он найдет в каждой строчке,** даже на-спех проглядывая хотя бы следующие мои стихи: «Декабри» — в журн. «Смена»; «Гармонь» и «Автору песни о соколе» — в журн. «Октябрь» или «Платформа Ухтомская» и «Другу матросу» — в «Комс. Правде». Критик А. Бек напоминает мне, что 20-й год был годом величайшего революционного под'ема в Европе, навстречу которому шли красноармейские полки. Тов. Бек, да будет вам известно, что автор «Субботника» как раз один из тех, кто шел тогда в упоминаемых вами полках.

Судить по одному неудачно выраженному образу о моем отношении к 20 году — чудовищно. Мысль моя была в том, что цыгротные рты, голод 20 года не вернутся. Что это так, — подтверждает и общий тон «Субботника», и то обстоятельство, что в двух вариантах из трех у меня нет «с» перед словом «цыгротным», и эта строчка читается так: «Цыгротным ртом двадцатый год».

Вот об этом формальном срыве, перерастающем в идеологический срыв против суб'ективного желания автора и следовало бы говорить критику, если бы он был более добросовестен, а не пришивать мне поспешно ярлык обывателя и певца кулацких настроений.

Что же касается всех остальных высказываний т. Бека, то в них явно выпирает уже совершенно открытая недобросовестность. Вот доказательства:

У меня «жест и имя» Ленина — «росчерк в веках», а Бек берет с потолка «дело Ленина» и на основании этого взятого с потолка слова «дело», обвиняет меня в мещанском подходе к Ленину. Сказать, что дело Ленина только росчерк в веках — это, конечно, вопиющее безобразие, но ведь этого же у меня нет. Думается, что от жеста и имени Ленина, взятых отдельно, самостоятельно, до дела Ленина — дистанция огромного размера.

Дальше. У меня идет речь о кулях с мукой и зерном, **плодами труда людей** и машин; кули же с мукой или зерном упруги, но А. Бек, сказал: «гм» по поводу «плодов» и воспользовавшись снимком в журнале «Пламя» (за который не могу я отвечать, — это ясно каждому), вложил в мешки картошку и стал поучать меня, что картошка упругой не бывает, что это безграмотно и т. д. **Картошка понадобилась лишь для того, чтобы иметь «основание» лишний раз хлестнуть меня розгой.**

Что же касается кряжей мышц, то не могу же я в угоду Беку, только для того, **чтобы он не обвинял меня в приспособлённестве, окрашивать их в зеленый цвет.** К сожалению, они действительно **вишнево-красные.** И я бессилен изменить их цвет.

А кто глазел и кто работал на субботниках, — пусть судит читатель. Верно, кули не только берут в охапку, но и взваливают на спину. Но только ли взваливают на спину? — и на землю кладут их, и подбрасывают, и волокут и рассыпают. Требовалось все это перечислить? Надо же, гр-н Бек, иметь хоть маленькое чувство юмора и не заниматься блохоискательством, да еще стоя на подпорках ретивой фантазии.

Л. АРХАНГЕЛЬСКИЙ (БРЯНСКИЙ).

[1]) Журналы верстались и вышли в одно время.

ВНИМАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОМУ МУЗЕЮ

Организован Литературный музей при Публичной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Вновь организованное общество содействия литературному музею под председательством П. Г. Семашко развернуло свою работу.

Производственный план Литературного музея предусматривает организацию выставки, посвященной А. П. Чехову, выставки В. В. Маяковского, а также организации передвижных выставок, посвященных творчеству Максима Горького, А. П. Чехова и В. В. Маяковского. Кроме того, Литературный музей приступает к предварительным работам по организации выставки Демьяна Бедного.

Литературный музей сыграет большую роль в деле помощи начинающим писателям путем развертывания специального отдела методических пособий, семинариев и т. д.

Правление Гиза решило отпустить из средств Литфонда издательства 5.000 рублей для реализации производственной программы музея.

Общество содействия Литературному музею при публичной библиотеке СССР им. В. И. Ленина предполагает организовать большой литературный вечер с участием лучших сил литературы и искусства для усиления средств музея. Будет также издан альманах «Литературному Музею».

ПЛОВУЧИЙ ДОМ ИСКУССТВА

Президиум Главискусства **одобрил идею организации пловучего дома искусств,** на котором предположено совершить плавание в Западную Европу и Америку.

Специальной тройке, в составе **Ф. Я. Кона, Этингофа и Колоскова,** поручено **подробно разработать вопрос об организации пловучего дома искусств.**

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

I.

«Литгазета» поместила статью Тюрина, затрагивающую вопрос о работе литературных кружков. В этой статье между прочим сказано:

«Руководители типа Беккера, который в Подольске запретил своим кружковцам на полтора (!) года писать, усадил их за разобранную программу чтения, воспитывая из пролетарского молодняка никому ненужных кабинетных писателей».

Литбюро ВОКП считает, что «Литературная газета», печатая это утверждение, была введена в заблуждение.

Литбюро не берется судить о работе т. Беккера в Подольске, но отдельные известные ему факты (например—выпуск силами кружка агитационного сборника— «За новую жизнь») говорят о правильной общественно-политической установке работы кружка «Мотор».

Таким образом, обвинение, приписываемое т. Тюриным т. Беккеру, необосновано.

ЛИТБЮРО ВОКП.

II.

По поводу сообщения о том, что «по инициативе А. К. Шнейдера собрание постановило **ходатайствовать** перед Наркомпросом о присуждении В. К. Сережникову звания заслуженного деятеля искусства» прошу отметить, что **собрание никаких постановлений не выносило, я никаких предложений не вносил, ни о каких ходатайствах ни я, ни кто другой не заикался.**

А. К. ШНЕЙДЕР

ИЗВЕЩЕНИЯ

21 МАЯ

✱ **20 ч.** — секция литературы и искусства Комакадемии — **ДОКЛАДЫ О МАЯКОВСКОМ.** Докладчики: И. Анисимов и С. Динамов.

✱ **20 ч.** — клуб им Тараса Шевченка (Тверская, 37). Очередное собрание группы украинских пролетписателей **«ГОНГ».** Вход свободный.

22 МАЯ

✱ **19 ч. — общее собрание членов** Московского Т-ва Писателей. Отчет правления и утверждение баланса. Отчет ревизионной комиссии.

23 МАЯ

✱ **18 ч.** — Дом Герцена—комната 16. **ЗАСЕДАНИЕ ИСПОЛБЮРО ФОСП.** В повестке дня: доклад издательства «Федерация», выборы редсовета и правления издательства. **Выборы редколлегии «Литературной газеты».**

✱ **18 ч. 30 м.** — собрание литкружка **«Штурм»** при Доме Комсомола Кр. Пресни (Васильевская, 13)). Занятия по поэзии. Руководитель Гусев.

ПОПРАВКИ.

«Литературная газета» № 18

В фельетоне «Суриков и суриковщина» следует восстановить выпавшую строку: «Если для Сурикова самородничество и самоученичество было только тяжелой необходимостью» и т. д. Вместо: «в участии социалистического строительства» следует читать: **«в участстника** социалистического строительства». Вместо: «и переход в ряды Всероссийского общества крестьянских писателей», следует читать: **«за** переход в ряды всероссийского общества» и т. д.

«Литературная газета» № 19

По недосмотру корректуры в заметке «Неделя белорусского искусства и литературы» выпала фамилия белорусского поэта **Янки Купалы.** Искажены также фамилии писателей: **Якуба Коласса и Цишки Гартного.**

ПЛЕНУМ ЦС ВОКП

15 ОКТЯБРЯ С. Г. СОСТОИТСЯ РАСШИРЕННЫЙ ПЛЕНУМ ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КРЕСТЬЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. В ПОВЕСТКУ ДНЯ ПЛЕНУМА ВКЛЮЧЕНЫ СЛЕДУЮЩИЕ ВОПРОСЫ:

1. Очередные задачи художественной литературы и платформа ВОКП. 2. Художественный метод крестьянской литературы в реконструктивный период. 3. Итоги литературного сезона. 4. Белорусская крестьянская литература. 5. Крестьянская драматургия. 6. Массовая литература и колхозный читатель. 7. О детской литературе для деревни. 8. Доклад секретариата ЦС ВОКП.

ПОСТРОИМ ТРАКТОРНУЮ КОЛОННУ «МАЯКОВСКИЙ»

ТОВАРИЩИ ПИСАТЕЛИ И ЧИТАТЕЛИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ», ВНОСИТЕ В ФОНД ТРАКТОРНОЙ КОЛОННЫ «МАЯКОВСКИЙ».

ВНОСЯТ:

МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО КРЕСТЬЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ—50 рублей. М. ЮРИН—25 рублей. Б. АГАПОВ—25 рублей. Н. Н. АСЕЕВ—25 рублей. ГРУППА РАБОТНИКОВ ГАЗЕТЫ «ЗАИНДУСТРИАЛИЗАЦИЮ» — 155 рублей (по списку: Л. Лагин—5 р., Н. Мор—15 р., Я. Рокач—5 р., Н. Розенблит—5 р., Б. Стражевский — 5 руб., М. Лапидзе — 5 руб., А. Хавин — 5 руб., И. Пасынков — 5 руб., Л. Кречет — 5 руб., М. Бирбраер—80 р.—гонорар за статьи; Аксельрод — 5 р., Вл. Сарабьянов—5 р., В. Богушевский — 10 р.). КИНОГРУППА ЛЬВА КУЛЕШОВА (Гаваджев, Жутаев, Кулешов, Курс, Подобед, Хохлова) — 75 РУБЛЕЙ.

ВСЕГО с прежде поступившими 1364 РУБЛЯ.

МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО КРЕСТЬЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ВЫЗЫВАЕТ ВСЕХ ЧЛЕНОВ И КАНДИДАТОВ МОКП ПРОДОЛЖИТЬ ПОЧИН ПРАВЛЕНИЯ МОКП И ВНОСИТЬ НА ТРАКТОРНУЮ КОЛОННУ «МАЯКОВСКИЙ».

ИНЖЕНЕР ЗАЙМОВСКИЙ, ВНЕСШИЙ 50 РУБЛЕЙ («Л. Г». № 17), ПРИГЛАШАЕТ ПОСЛЕДОВАТЬ ЕГО ПРИМЕРУ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ ЗАВОДА «ЭЛЕКТРОСТАЛЬ».

Адрес для переводов: Москва, Тверской бульвар, д. 25. Редакция «Литературной газеты».

Ответственный редактор Б. ОЛЬХОВЫЙ

Издатель: Акционерное Издательское О-во «Огонек»

ЗА КРЕСТЬЯНСКИЙ ТЕАТР

К ОБЛАСТНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МОКП

Крестьянский театр на данной стадии его состояния задерживает рост и развитие крестьянской драмы, а следовательно, продвижение культурной революции в деревне.

Изучение стилевых тенденций крестьянской драмы утверждает в качестве особенности ее фабулы—**зрелищность,** понимая под этим широкое использование песни, музыки, неровных движений, широкий состав действующих лиц.

В противоположность, например, Островскому, у которого состав персонажей ограничивается обычно семьей, крестьянская драма проявляет четкую тенденцию на массовый состав действующих лиц. В крестьянской драме действуют коллективы, определяемые широтой социального охвата современной крестьянской действительности.

Говорим о естественно присущей особенности, о тенденции на массовый состав действующих лиц, но часто в крестьянской пьесе участвует и очень узкий состав действующих лиц. Но этот состав почти всегда принимается как искусственное ограничение естественного размаха крестьянской драмы приходящими условиями. Малочисленность действующих лиц и малоактивность пьес достигается искусственным сжиманием их фабул до схемы.

Где же лежат причины явно искусственного сжимания актов и количества действующих лиц? Несомненно, в сценических возможностях крестьянского театра, в его сценической площадке. Эта площадка чрезвычайно мала. Крошечная, убогая площадка клубной деревенской сцены давит на пьесу, принуждает приспособляться к ней, упрощаться и схематизироваться.

Дальнейшее развитие крестьянской драмы упирается в необходимость создавать в деревне, в колхозах большие, технически оборудованные театры, **и в первую очередь, в неотложную задачу создания государственного крестьянского театра всесоюзного значения.**

Этот театр должен стать центром крестьянской драматургии, базой экспериментальной работы и ее пропаганды.

Без этого театра не может быть создан так остро нужный политически полноценный и художественно значимый репертуар для клубно-колхозной и деревенской сцены.

Но задачи этого театра не замыкаются границами создания репертуара для деревни.

Задачи этого театра должны быть значительно шире.

Постановка крестьянских пьес в различных театрах убедительно свидетельствует о бессилии наших театров в постановках крестьянских пьес. Наши театры не могут поставить крестьянской пьесы, так как у них нет для этого соответствующих кадров артистов.

Артисты наших театров дают или сусальных пейзан (МХТ, Театр Революции), или романтических героев (им. Вахтангова) или лубок, карикатуру Пролеткульт).

Подлинных крестьян, социалистически перестраивающих жизнь и вместе с этим изменяющих свою собственную сущность, наши театры не смогли показать и обнаружили полнейшую неприспособленность, неподготовленность для сценического воплощения крестьянской тематики.

Для постановки крестьянской пьесы нужны новые кадры артистов, кадры, знающие крестьянство, его психологию, быт, труд.

Эти кадры могут быть подготовлены только в центральном крестьянском театре.

Центральный крестьянский театр должен превратиться, следовательно, в базу подготовки артистических кадров для колхозного театра и **в сосредоточие для развертывания сценического выражения колхозно-крестьянской тематики в городе.**

А политическая необходимость в отображении через городской театр процессов, совершающихся в современной деревне, в колхозе, не требует доказательств. Она очевидна. Существующие же театры не могут показать современной деревни.

Но у нас нет не только нужных кадров артистов, у нас нет режиссеров, художников, музыкантов.

Крестьянский театр и должен быть мощной лабораторией, школой подготовки драматургов, артистов, режиссуры и иных работников крестьянского или, лучше сказать, колхозного театра.

Перспективы колхозного театра огромны.

Нам нужно быть готовыми к руководству им. Нам нужно подготовить для него кадры и выполнить основное марксистско-ленинское положение, «чтобы теоретическая работа не только поспевала за практической, но и опережала ее, возбуждая наших практиков в борьбе за социализм» (И. Сталин).

Центральный крестьянский театр — не роскошь, а насущная необходимость.

Борьба за социалистическую культуру, борьба за перековку человека, за подготовку кадров в колхозах, в деревне не может со всей интенсивностью развертываться без центральной театральной базы.

Создание центрального крестьянского театра — неотложная политическая задача.

Идея крестьянского театра, поставленная первым Всероссийским с'ездом ВОКП, должна быть подхвачена конференцией МОКП как одной из наиболее сильных и заинтересованных организаций и вместе с ВОКП практически осуществлена к началу будущего сезона.

А. РЕВЯКИН.

ПРОБЛЕМА ПРОЛЕТАРСКОЙ МУЗЫКИ И ЕЕ ИСПОЛНЕНИЯ

ПО ПОВОДУ КОНЦЕРТА С. КРЫЛОВОЙ и Н. ВЫГОДСКОГО ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КОМПОЗИТОРОВ—ЧЛЕНОВ ВАПМ

Сейчас, когда лозунг «музыка—массам» входит в фазу практического его осуществления, **проблема музыкального исполнительства—самая острая и больная.** Исполнитель, воспитанный культурой прошлого и ее потребителем, мало изменил свою физиономию. Его исполнение, начиная с репертуара и кончая «манерой держаться» перед публикой, все еще находится во власти буржуазных традиций.

Когда этот исполнитель приступает к передаче музыки, рожденной революцией, то не будучи способным **творчески** проникнуть в ее сущность, он обычно либо опошляет ее буржуазной эстетикой интерпретации, либо откровенно халтурит, либо бесстрастно, формально выполняет «задание».

Подобное исполнение дискредитирует наше творчество и «передаточное звено» между композитором и массой (исполнитель) **становится помехой** для роста того и другого, ибо непосредственный пролетарский слушатель прекрасно чувствует всю фальшь такого исполнения.

Концерт С. Крыловой и Н. Выгодского явился поэтому событием для всех нас, композиторов **ВАПМ.**

Стиль исполнения С. Крыловой вырос из ее отношения к искусству как классовой идеологии. Выбор репертуара диктуется прежде всего этим моментом. Стиль слезоточивых романсов, псевдонародных песен и эстетских безделушек ей чужд так же, как чуждо его формальное стремление «показать голос».

Проникновенность, непосредственность, простота, внутренняя сдержанность—яркие художественные маски, передающие основное содержание произведения,—вот наиболее характерное для стиля исполнения С. Крыловой. Эти особенности дают ей возможность переключаться в самые разнообразные образы, начиная с комических (интересно исполнение «Извозчика»: щутливый рассказ был передан с очень глубокомысленным отношением к каждому слову, что усугубило комизм вещи), лирических (хорошо схвачен темп и характер новой лирики) и кончая трагическими (убедительны по своей выразительности речитативы «Убийцы сидят в опере». В. Белого и трагическая песенность «Письма» А. Давиденко и «Траурной песни» Б. Шехтера). Непосредственный переход от одного настроения к другому, от радости к горю, от шутки к героике показывает многогранный облик исполнения С. Крыловой.

Показательно, что Крылова, обладая своеобразнейшим тембром голоса, который имеет много родственного с природными голосами лучших народных певцов, будучи ученицей консерватории, пребывала там в атмосфере сплетен об «отсутствии у нее голосовых данных».

Поэтому «многие» шли на концерт 6 мая с явным желанием позлорадствовать над «провалом» певицы. Однако с первых же вещей стало ясно, что не о «провале» идет речь, **а о явлении, с которого начинается утверждение пролетарского исполнения.**

Концерт явился событием и для слушателей и для авторов музыки, столь редко удовлетворяющихся исполнением своих произведений. Этот концерт может служить отправной точкой для разрешения кризиса и застоя в области исполнительства, и в этом—главное его значение.

МАРИАН КОВАЛЬ

НАКАНУНЕ ТЕАТРАЛЬНОЙ ОЛИМПИАДЫ

20 мая при оргкомитете Всесоюзной олимпиады национальных театров состоится **совещание культотделов профсоюзов** по вопросу о плановом посещении олимпиады массовым организованным зрителем.

Для популяризации цели и задач театральной олимпиады **оргкомитет организует выезды в рабочие районы—** членов комитета и актерских групп.

Оргкомитет выпускает к театральной олимпиаде **специальный путеводитель** на трех языках: русском, немецком и английском.

Третья фабрика Совкино начала подготовительные работы к предстоящей вас'емке театральной олимпиады. Предположено заснять **две большие фильмы**—звуковую и «немую». Во время олимпиады во всех кинотеатрах ежедневно будут демонстрироваться, в кинохронике, важнейшие моменты олимпиады. В редакционную коллегию по вас'емке фильм вошли тт. Коп, Луначарский и Шутко. Консультантом от оргкомитета—А. Глебов.

СРЕДИ ДРАМАТУРГОВ

✱ Правление Всероскомдрама опротестовало в Наркомторге и Совнаркоме РСФСР постановление Комитета по делам печати об отказе Всероскомдраму в разрешении на открытие собственного издательства.

✱ Правление Всероскомдрама назначило члена правления Б. Ф. Сверчкова уполномоченным по строительству Дома Драматурга и Композитора.

✱ Литературно-эстрадная секция Всероскомдрама ведет подготовительную работу **по созыву первой конференции авторов малых форм.** — При секции открыта консультация по всем вопросам эстрады, которая работает ежедневно в помещении Всероскомдрама (Б. Гнездниковский, 10).

✱ По инициативе секции драматургов Всероскомдрама в культотделе **ВЦСПС** состоялось **совещание по вопросам контрактации драматургов для создания репертуара на темы индустриализации СССР.** Расширенное заседание по этому вопросу, с участием представителей Главискусства, Главреперткома и заинтересованных организаций, состоится 23 мая в Культотделе ВЦСПС.

✱ **Бюро секции драматургов работает над трехлетним репертуарно-тематическим планом.** Для разработки плана создана комиссия в составе: тт. Чижевского (председатель), Городецкого, Ромашова, Смолина, Успенского и Файко.

✱ **Клубная секция Всероскомдрама приступила к перерегистрации членов секции.**—21 мая состоится выезд представителей клубной секции в подшефный клуб «Красный Текстильщик». Здесь будет подписан социалистический договор, после чего состоится вечер, на котором будут исполнены произведения членов секции.

✱ **Производственное об'единение молодых драматургов,** работающее при редакции журнала «Литературная Революция», назначило на 20 мая чтение пьесы Ольшевского **«Сто процентов».**— 1 июня в об'единении молодых драматургов состоится доклад представителя РАПП—о платформе Ассоциации пролетарских писателей и о консолидации сил пролетарской драматургии.

ПАМЯТИ ЗАКУШНЯКА

Сегодня в Бетховенском зале Большого театра состоится **вечер-концерт памяти А. Я. Закушняка.** Вступительное слово произнесет А. В. Луначарский. С воспоминаниями выступят: народный артист Ю. М. Юрьев, заслуженный артист М. С. Нароков, О. В. Рахманова, В. Ф. Лебедев, В. М. Бебутов, А. К. Шнейдер. В концерте примут участие В. В. Барсова, В. В. Борисоглебский, Гр. Гинзбург, В. Дулова, В. М. Поплитковский и трио им. Станиславского.

ГЛАВЛИТ № А 68031.

Типография газеты «Правда», Москва, Тверская, 48.

ЗРЕЛИЩА

Театр РЕВОЛЮЦИИ в закрытом театре Эрмитажа Т. 4-39-34

ГОСТЕАТР имени Евг. ВАХТАНГОВА Арбат, 26, тел. 3-70-53.

СТУДИЯ МАЛОГО ТЕАТРА Б. Никитск. пер., 10. Телефон 2-77-90.

ГОСУД. ТЕАТР СЕМПЕРАНТЭ В помещ. театра Сатиры Садово-Триумфальн. пл. 1/29. Т. 1-99-09 и 3-57-90. Начало в 8 ч. вечера

Моск. театр ОПЕРЕТТЫ в зеркальном театре Эрмитажа. Т. 5-67-56.

Сегодня, понедельник, 19 мая, ИСТОРИЯ ОДНОГО УБИЙСТВА. 20/V Человек с портфелем. 21/V Инга. ● Нач. в 8 ч. в.

СЕГОДНЯ 19 мая, ЗАГОВОР ЧУВСТВ Начало в 7.30. 22/V—На крови, 21/V—Коварство и любовь.

СЕГОДНЯ 19 мая КИНО-РОМАН Начало в 7.30 20/V и 21/V—ПРЕЗИДЕНТЫ и БАНАНЫ

Сегодня, 19 мая, ГРИМАСЫ 20 и 21 мая—КУХНЯ, 22/V—КОРАБЛЬ.

Сегодня, 19 мая — РОЗ-МАРИ 20/V—ЛЮДОВИК ...НАДЦАТЫЙ, 21/V Р. З-МАРИ

ТЕАТРЫ И САД ЭРМИТАЖ КАРЕТНЫЙ РЯД, 3.

ЗИМНИЙ ТЕАТР РЕВОЛЮЦИИ: ИСТОРИЯ ОДНОГО УБИЙСТВА. Нач. в 8 ч. в.

ЗЕРКАЛЬНЫЙ ТЕАТР ОПЕРЕТТЫ: ПОЛЯРНЫЕ СТРАСТИ. Нач. в 8.30 в.

ЭСТРАДА: Николай Павлович СМИРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ (Доклад Керенского о СССР). 2 РАПИТА Жонглеры. АНТОНИО Баланс. Л. ЧАЩИНА и А. ТРИЛЛИНГ Балет. Е. ВИЛЕВСКАЯ и Д. СМИРНОВ Злободневная шар анка. ГЕНРИХ СОБСКИЙ, дресир. собак. ЭДИ БАРТОН Светотени. МАРЧЕС Иллюзион. Конфер. Ал. АЛЕКСЕЕВ. Орк. под А. А. ГРАН. Нач. в 9 ч. в. Сад откр. с 7 ч. в.

КИНО: Новый историч. фильм ЗАГОВОР МЕРТВЫХ. Орк. стр. п/упр. К. О. ФИШКИН. Начало сеансов с 6 ч. веч. Заявление билеты в кино за вход в сад не платят. На сеанс в 6 ч. все места по 50 коп.

В саду оркестр ВПШ ОГПУ п/упр. Ф. НИКОЛАЕВСКОГО. Кассы открыты с 4 ч. дня. Вход в сад 50 к.

ТЕАТРЫ И САД „АКВАРИУМ" Б. Садовая, 16, Тел. 4-89-91, 3-04-45.

СЕГОДНЯ, в понедельник, 19 мая, ОТКРЫТИЕ ЛЕТНЕГО СЕЗОНА.

ЗИМНИЙ ТЕАТР „НЕЙТРАЛИТЕТ" 19-21 мая в 4 х действ. Начало в 8 ч. в.

ЭСТРАДНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ежедневн.: 2 РУДЕНКО партерные акробаты; 3 ЛЕПЯНСКИЕ — цимбалисты; АНДРЕЕВА и АНКЕРМАН — танцы; РОБЕРТ и МИЛЛА — баланс; 3 ЦАС-ГЕЙ — трамплин; 2 ВИЛЬ-ГАРИС — жонглеры; ФРАНГИНЬЯК. Конферансье БОРИС МИРЦЕВ. Дирижер ВЕЙСБЕЙН М. Д.

ЛЕТНИЙ ТЕАТР Начало в 9 час. вечера.

КИНО Новый историч. фильм ЗАГОВОР МЕРТВЫХ. На 1-й сеанс в 6 час. все места по 35 коп. На остальные сеансы—от 35 до 80 к. Нач. сеан. в 7.30, 9, 10.30.

ВХОД в САД 35 коп. В саду ежедневно с 7 час. веч. КОНЦЕРТЫ ОРКЕСТРА УКЗП МФО под упр. дирижера Вейсбейн. М. Т. ВХОД в САД 35 коп.

Буфет, кегельбан, тир, читальня. Кассы открыты ежедн. с 4 час. дня.

1-й ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СОВКИНО-ТЕАТР Арбатская площ. Тел. 1-67-95. Трам. А, 15, 17, 18, 31, авт. 2, 4. Начало сеанс. 12, 2, 4, 6, 8, 10. Касса открыта с 10 час. Цены на дневные и вечер. сеансы от 35 к. до 1 р. 10 к.

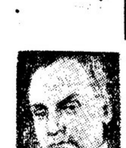
3-й месяц постановки ЗВУКОВЫХ, ШУМОВЫХ и ГОВОРЯЩИХ ФИЛЬМ. Дети до 16 лет на сеансы 8 и 10 не допуск. Опоздавшие с билетами более 15 м. в зал не допуск. Организ. по заяв. скидка 50%.

ТЕАТР КИНО-ОБОЗРЕНИЙ Тверская, 59. Тел. 80. Театр открыт: по четным числам с 6 ч. веч. до 12 ночи, по нечетным числам с 12 дня до 6 ч. веч. Сеансы через каждые полчаса. Цены мест. 15 коп. Для орган. зрителя по заяв. обществ. орган.—10 коп.

СЕГОДНЯ и ежедневно к необозримо выпуск № 6 „ДА ЗДРАВСТВУЕТ 1 МАЯ" 1. Первомай в Москве. 2. Американский пролетариат вышел на улицу. 3. Турксиб — подарок к 1 мая. 4. Фильм о Западе (вместо рецензии). 5. Кадры о книгах.

СЕГОДНЯ И ЕЖЕДНЕВНО

Арт. Д. Гутман в роли английского генерала



Арт. Е. Червяков в роли метр д'отеля

исключительная героическая эпопея

режиссер С. ТИМОШЕНКО.

В КИНО-ТЕАТРАХ: КИНО АРС